

В.А. Маслова

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА

Монография

2011

УДК
ББК

Рецензент: доцент кафедры общего и русского языкознания Е.Ю. Муратова

Аннотация

Монография является одной из первых русскоязычных работ, посвященных выявлению характера человека по данным языка и текстов малых жанров (пословицы, поговорки, анекдоты, тосты и т.д.).

Человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, эмоции и интеллект, поступки и характер. Поэтому исследование человека и его характера сквозь призму языка чрезвычайно актуально. Сквозь лингвистические проблемы мы можем видеть проблемы общечеловеческого и общенаучного масштаба.

Лингвокультурный подход к исследованию характера позволяет обнаружить радикальную смену культурных ориентиров, культурных кодов, которые формируют характер. В то время как чисто лингвистический подход этого сделать не позволяет: язык слишком консервативен – нужны годы, чтобы вошли новые явления в лексику и десятилетия – в грамматику.

Адресуется лингвистам и культурологам, психологам и философам: ученым, преподавателям, аспирантам, студентам.

С о д е р ж а н и е

1. Человек и его характер: лингвокультурологическое введение в теорию человека.....	4
2. Языковая личность как важнейшая составляющая проблемы «человек и его язык».....	15
3. Проблема характера: история и современное состояние.....	24
4. Исследование национального характера через язык.....	37
5. Русский характер в аспекте лингвокультурологии.....	48
6. Национальный характер и этикет.....	56
7. Абсентизм – как черта русского характера.....	59
Заключение.....	64
Литература.....	65

1. Человек и его характер: лингвокультурологическое введение в теорию человека

*Лингвистика, изучая самое
человеческое,
что есть в человеке, никак
не может
быть замкнутой
областью знания...
(Ажеж, 2003)*

Проблема человека является центральной для большей части гуманитарных наук. Не случайно И.В. Гете считал, что главным предметом изучения человечества является человек.

Человек – сложное, многогранное и трудноопределяемое понятие, которому посвящена обширная литература. Он воплощение противоположностей, сил, качеств, субстанций, находящихся в состоянии конфликта, противоборства, но вместе с тем они являют собой единство. Человек воплощение добра и зла, силы и слабости, простоты и ложности, величия и ничтожности. Он и бессмертная субстанция духа и тленная плоть, сознательное и добропорядочное существование в нем борется со стихией чувств и животными инстинктами.

Философ М. Бубер говорит: «Мы приблизимся к ответу на вопрос «Что есть человек?» после того, как научимся видеть в нем существо, в чьей динамической природе и органической способности быть вдвоем совершается и опознается встреча Одного и другого» (Бубер, 1995, с.232). Вопросу о человеке посвящена его работа «Проблема человека», в которой он предлагает свое видение проблемы: предметом исследования должна стать целостная и конкретная человеческая личность, для исследования которой должны привлекаться данные из других наук - психологии, этнографии, биологии и т.д. Не последнее место в этом ряду должна занять лингвистика.

Человек составляет основной объект исследования целого ряда литературных жанров: жизнеописаний и характеристик, хроник и летописей, автобиографий и эпистолярного жанра, некрологов и проповедей.

По Библии, человек состоит из 3-х ипостасей: физическая (телесная), душевная и духовная. Апостол Павел пишет: «Сам же Бог да освятит вас во всей полноте, ваш дух и душа и тело во всей целостности...». Кстати, духовная ипостась не может быть исследована научными методами, ибо «наука, пусть даже самая передовая, по природе своей не может заниматься вопросами духа» (Павловский, 2004, с.107).

По К.-Г. Юнгу у человека 4 ипостаси: мышление, чувство, ощущение и интуиция: «Функциональной сущностью ощущения является установить, что

нечто существует, мышление говорит нам, что означает это нечто, чувство – какова его ценность, а интуиция предполагает, откуда оно появилось и куда следует» (Юнг, 1998, с.600). В интуиции происходит восприятие через бессознательное. К.-Г. Юнг характеризует интуицию как шестое чувство для скрытых возможностей. Рассматривая эволюцию человека, он утверждает, что у первобытных людей преобладали чувственные реакции на мир. В наше время на первый план выходит интеллектуальный компонент. Торжествует рационализм, а иррациональное находит себе место в религии. Атеизация, т.е. вытеснение религии из жизни человека, чрезвычайно усилило, по Юнгу, бессознательное, которое «начинает оказывать на сознание мощное влияние своими архаичными коллективными содержаниями» (Юнг, 1997, с.140). Это приводит к «обожествлению» идей, господствующих в обществе, что ведет к возникновению тоталитарных обществ.

Объектом исследования многих наук является человек, но каждая из них занимается своими аспектами в исследовании данной проблемы. Так, в философии человек представлен как сущее в мире, в своем бытии связанное с Космосом, Землей, понимающее существо (М. Хайдеггер). В психологии и социологии человек – многомерное существо, носитель социальных ролей и программ социотипического поведения, он обладает относительно автономной, устойчивой, целостной системой индивидуальных качеств, характеризующих его самобытность и неповторимость в изменяющемся мире (А.Н.Леонтьев, А.Р.Лурия и др.). В биологии человек рассматривается как живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия труда и воздействовать на мир.

Согласно христианской традиции, добро, вложенное в человека Творцом, - основа его сущности, ибо Бог, давший человеку свой образ и подобие, априорно не мог заложить в него добро и зло в равных количествах. Склонность человека ко злу, греху – это проявление его личной, а не Божьей воли.

Особый интерес к человеку проявляется и в лингвистике, потому что в языке, как в зеркале, отражается все, что его носители думают и знают о человеке. Проблема Человека в Языке – из разряда вечных. Человек здесь и объект, и субъект познания, поэтому многое в видении человека зависит от позиции наблюдающего субъекта.

Так, по мнению Ю.С. Степанова и Е.В. Урысон, человек – это совокупность сердца, души, совести, ума, знания, слуха, воображения и т.д. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев разработали дихотомическую концепцию человека, который понимается как единство материального и идеального, интеллектуального и эмоционального начал. Согласно В.З. Демьянкову, «человек должен изучаться как система переработки информации, а поведение человека должно описываться и объясняться в терминах внутренних состояний человека» (Демьянков, 1994, с.1). В одной из наших работ описаны следующие ипостаси человека: 1. Человек физический:

внешность. 2. Человек внутренний: а) душа; б) ум; в) дух; г) сердце; д) чувства; е) сознание; ж) эмоции, з) характер. 3. Человек как общественная сущность: а) общение; б) ценности; в) мораль и др. (Маслова, 2007).

Во второй половине XX века возникли новые дисциплины, важные для понимания человека: *эргономика* (наука о трудовой деятельности человека), *аксиология* (наука о ценностях жизни и культуры), *эвристика* (теория творческого мышления), *этнолингвистика* (наука о языке в его отношении к культуре, а точнее, «взаимодействие этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка» (Лингвистический... 1990, с.597); *социоллингвистика*, исследующая особенности языка разных социальных групп (возрастных, половых и др.), *этнопсихоллингвистика*, которая устанавливает, как в речевой деятельности проявляются элементы поведения человека, связанные с определенной традицией, анализирует различия речевого поведения носителей разных языков. *Лингвокультурология* "ориентирована на культурный фактор в языке и языковой фактор в человеке" (Телия, 2004, с.289), здесь исследуется то культурное содержание, которое закрепилось в значении языкового знака и составляет своего рода культурную память нации. Именно эти значения формируют культурно-специфическую модель мышления и поведения. *Когнитивная лингвистика* - это «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» (Кубрякова, 1996, с.53). Центральная проблема когнитивной лингвистики – установить, как хранятся в человеке наши знания о мире, как они структурированы в языке в процессе коммуникации. *Культурная антропология* – акцентирует внимание на проблемах генезиса человека как творца и творения культуры в филогенетическом и онтогенетическом плане. *Культурная семантика* – исследует культурные объекты как средства трансляции культурно-значимой информации, реализующейся в процессах означивания. Исследованием ряда проблем понимания занимается *герменевтика*.

Наше исследование - это попытка посмотреть на человека с позиций *лингвокультурологии*, т.е. на стыках лингвистики с психологией, социологией и философией; это попытка "встроить" человека в язык.

Названные науки чрезвычайно важны для понимания человека, потому что человек запечатлел в языке свой физический облик, внутренние состояния, эмоции и интеллект, свое отношение к миру. Именно в языке (Слове) хранится вся информация о мире и о человеке. Поэтому так важны лингвистические сведения о человеке. С точки зрения этимологии, «человек» (греч.) – смертный (Маковский 1996, с.386). Человек, по В.В. Колесову, *цель* – и *векъ* («сила, мощь, возраст человека»). Ср. *увечный* = *бессильный*. Следовательно, человек "тот, кто имеет полную силу", т.е. взрослый. По В.В.Мартынову, человек = "дитя рода" (Мартынов 1972, с.186), т.е. прежде

всего - представитель рода. Таким образом, сами представления о человеке могли меняться на протяжении истории: "Каковы веки, таковы человеки".

Ю.Д. Апресян писал: "Язык... в высокой степени антропоцентричен. Громадная часть его словаря посвящена человеку – его внутреннему миру, восприятию внешнего мира, физической и интеллектуальной деятельности, его целям, отношениям с другими людьми, общению с ними, оценкам событий, положений и обстоятельств" (Апресян, 1995, с.18). По мнению Н.Д. Арутюновой, **путь к осмыслению человека лежит не через естественные науки, а через естественные языки** (Арутюнова, 1999, с.250).

Проблема Человека в языке обозначена многими лингвистами, но по-разному: "человек в языке" (Э.Бенвенист), "человек и его язык" (Р.А.Будагов), "язык и мир человека" (Арут.), "мир человека в языке" (В.В.Колесов), "язык – человек – картина мира" (М.П.Одинцова) и др.

Человек активно исследуется в работах по языковой картине мира (Ю.Д.Апресян, В.Г.Гак, А.И.Геляева), рассматривается сквозь призму метафоры (Н.Д.Арутюнова, Г.Н.Скляревская, В.Н.Телия), фразеологии (В.Н.Телия, В.П.Жуков, В.М.Мокиенко, А.В.Артемова, Р.Х.Хайруллина), аксиологии (Е.М.Вольф, Н.Д.Арутюнова, В.Н.Телия), словообразования (Е.С.Кубрякова, Т.И.Вендина), лексикографии (Ю.Н.Караулов, Ю.С.Степанов, В.В.Морковкин), этнопсихолингвистики (Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов, Ю.Е.Прохоров); исследование репрезентации основных атрибутов и органов – сердца, души, ума, зрения, обоняния (М.П.Одинцова, Е.В.Урысон, Е.В.Гейко, М.В.Пименова, Н.А.Седова, Л.Б.Никитина и др.).

В.В.Виноградов первым в отечественной лингвистике, еще в 1946 году обратился к изучению проблемы человека по данным языка. Э. Бенвенист в статьях, написанных в 60-е годы и вышедших в русском переводе в 1974 г, пишет, что язык заключен в самой природе человека, поэтому он не может быть искусственным изобретением: «В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» (Бенвенист 1974, с. 293). А далее: «Именно в языке и благодаря языку человек конструируется как *субъект*, ибо только язык придает реальность, *свою* реальность, которая есть свойство *быть ...*» (Там же, с.293).

Большой вклад в исследование проблемы «человек в языке» внесла Н.Д.Арутюнова в 1998 г выпустившая книгу «Язык и мир человека», а в 1999 г под ее редакцией вышла книга «Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке». В начале века вышли многие интересные работы: «Языковое бытие человека и этноса». Барнаул, 2001; «Человек в зеркале языка». М., 2002; М.Х.Ивлева «Базисные концепты ментального мира человека». Уфа, 2002; Никитина Л.Б.Образ человека в русской языковой картине мира. Омск, 2003; была переведена работа Дж. Гринберга «Антропологическая лингвистика». М., 2004; появились словари: «Человек. Характер и поведение». М., 2003; Т.В.Летягова, Н.Н.Романова,

А.В.Филиппов. «Тысяча состояний души. Опыт психолого-филологического словаря». М., 2003 и др.

В языке закреплены, как правило, наивные представления о человеке. В форме единственного числа слово *человек* известно с XIII века. Это слово - абстракция, поэтому в древности с ним употреблялось определение, указывающее на какую-либо черту человека: *первый человек* (Адам), *божий человек* (юродивый). Социальная принадлежность устанавливалась с помощью слова *муж*; *муж* всегда противопоставлялся *холопу*, *рабу*, тогда как *человеком* могли называть и *холопа* [Бенвенист 1974, с.336], т.е. *муж* – человек высокого чина, а *человек* – тот, кто в услужении, т.е. с конца 14 в. словом *человек* называли слугу.

Лексема *личность* встречается с 15 века; *лицо* в деловых документах используется в значении "отдельный человек ответственный за свои поступки перед законом" – *важное лицо, ответственные лица*. С 17 в. используется слово *личина* = *маска, актерская харя* (Колесов 1986, с. 149). *Персона* латинский термин, означающий "маска". В 19 в. слово *личность* вытеснило слово *человек* как самое высокое именование индивидуальности в рамках человеческого коллектива. Сейчас оба слова выражают приблизительно одинаковые значения, что подтверждается возможностью их сочетаемости: *человеческая личность*.

Сейчас для номинации человека в русском языке существует целый ряд слов: *человек, фигура, лицо, особа, индивид, индивидуум, индивидуальность, личность, персона, деятель, душа, создание, существо, личина, маска, морда, харя*, а также многочисленные наименования по полу и возрасту. Разные науки предпочитают работать с одним или несколькими из этих терминов. Наиболее популярен термин *личность*.

На сегодняшний день можно говорить о взаимосвязи и взаимообусловленности терминов «человек — индивид - личность». При этом личность понимается как субъективное воплощение индивида, его идеальная представленность в других людях, его инобытие в них и в себе как «другом», то есть его персонализация. Уход индивида (человека) из жизни не сопровождается забвением, если он был личностью. Персонализированный в других людях, индивид продолжается, порождая в них переживания, воспоминания, объясняемые осознанием разрыва между идеальной представленностью индивида (в его личностных характеристиках) и его материальным исчезновением (как человека) (Петровский 1996, с.349).

Понятие "личности" многопланово, поэтому личность является объектом изучения многих наук – философии, социологии, психологии, лингвистики, этики, эстетики, педагогики и др. У каждой из наук – свои аспекты личности. Для социально-психологического анализа личности разграничиваются понятия "личность", "индивид", "индивидуальность", "человек". *Человек* – наиболее общее понятие, это биосоциальное существо, обладающее членораздельной речью, сознанием, высшими психическими функциями (логической памятью, абстрактно-логическим мышлением и т.д.), способное

создавать орудия труда и пользоваться ими в процессе трудовой деятельности. Именно о *человеке* будет вестись речь далее. *Индивид* – биологический организм, носитель общих генотипических наследственных свойств. Понятие «личность» основывается на социальных качествах человека, обусловленных его деятельностью, это человек как член общества в совокупности всех его свойств и качеств. *Личность* – это устойчивая социокультурная характеристика индивида, проявляющаяся в единстве его интеллектуальных и морально-волевых качеств, в индивидуальных особенностях его сознания и деятельности. Личность может быть охарактеризована через характерное для нее поведение и сознательные мотивы его социальных действий.

Сам термин 'личность' представляет собой перевод латинского слова *persona* – маска актера. Еще античные философы различали человека как физическое тело, средоточие физиологических процессов, и как совокупность собственно человеческих черт. Таким образом, противопоставлялись душа и тело в человеке.

Аристотель писал, что душа есть начало живых существ, в природе одни ее проявления составляют ее собственные состояния, другие же присущи – через посредство души – живым существам. Противопоставление двух начал, материального и духовного, дуализм тела и души, свойственны картезианской парадигме, названной по имени Р.Декарта. Некартезианская парадигма не ставит жесткой границы между духовным и телесным, субъектом и объектом, допускает их диалогическое взаимодействие и взаимовлияние.

На сегодняшний день можно выявить несколько своеобразных пониманий личности, которые возникли в разных науках. Так, с точки зрения психологов, личность – не только объект и продукт общественных отношений, но и активный субъект деятельности, общения, сознания, самосознания. Личность – это все, что есть в человеке надприродного, исторического, культурного. Выделяют еще один термин – "индивидуальность" – особенность конкретной личности, непохожесть ее на других.

У личности есть природные свойства – темперамент, способности, характер – другие. По определению философского энциклопедического словаря (1998), личность представляет собой содержание, центр и единство актов, интенционально направленных на другие личности. Многие современные определения личности опираются на понятия диалогической (некартезианской) парадигмы, основы которой связаны с работами нашего соотечественника, литературоведа, языковеда и философа М.М.Бахтина. Как каждому субъекту принадлежит объект, и каждой личности принадлежит другая личность, всякому Я принадлежит ТЫ. Человеческий индивид, наделенный волей и стремлениями, настроениями и оценками, соединен с другими такими же человеческими индивидами, обладающими своей манерой обращения, высказывания, поведения (в том числе и речевого).

Когнитивные теории личности основаны на понимании человека как

субъекта понимающего и анализирующего мир, интерпретирующего его в своем сознании. Представитель – Джордж Келли, он считал, что человек – это своеобразный исследователь, стремящийся понять, интерпретировать, предвидеть и контролировать мир своих личных переживаний, делать прогнозы. Он считал, что люди воспринимают свой мир при помощи четких систем или моделей, которые он назвал *конструктами*. Личностный конструкт – это мысль или идея, которую человек использует, чтобы осознать или интерпретировать, объяснить или предсказать свой опыт. Личность понимается здесь как организованная система более или менее важных конструктов, которые использует человек.

В лингвистике сейчас широко используется понятие *языковая личность*, анализу которого в нашей работе посвящен отдельный параграф.

Среди существующих теорий личности можно выделить гуманистические теории. Если фрейдизм изучает невротическую личность, то здесь здоровая, гармоничная личность, которых на земле от 1 до 4%. Для них характерно полное принятие жизни и комфортное отношение к ней, принятие себя и других, ориентация на деятельность, свежесть оценок, открытость опыту, юмор и т.д.

Большинство из этих терминов описаны в лингвистике как концепты: *фигура и человек* Н.Д.Арутюновой, В.Г.Гаком, Т.В.Булыгиной и А.Д.Шмелевым, *человек и личность* В.Г.Гаком, Р.И.Розиной, *лик, лицо, личину* анализирует П.Флоренский, который противопоставляет *лик* и *личину*. В остальных словах, по его мнению, превалирует значение «обман», маска, персоне – чисто внешнее в человеке. Лик святого и есть его совершенная и существенная личность.

Следовательно, человек выступает одновременно в нескольких ипостасях. Как «родовой» человек, он характеризуется совокупностью биологических, психических и социальных начал, т.е. – это психофизический организм. В начале 18 в. – появилось слово *особа* – в значении "персона", "личность". Оно обозначало хоть и самостоятельного человека, но в границах рода [Колесов 1986, с.106]. *Индивид* – это совокупность его психофизических и социальных свойств, т.е. способ его телесно-душевного существования как единичного представителя всего человеческого рода; это человек в системе социальных связей и отношений, единичный представитель всего человеческого рода. Это как бы переходное состояние от человека к личности. *Индивидуальность* – это философское понятие для обозначения совокупности особых черт, признаков и характеристик человека, отличающих его от других людей. Индивидуальность человека определяется особым набором *задатков и способностей, спецификой характера и темперамента*.

Структура личности определяется характером и темпераментом, интеллектом и волей к действию, приоритетными стратегиями поведения, эмоциями. Например, воля – это способность человека действовать, приближаясь к поставленной цели. Наиболее многочисленное выражение в

языке получили такие ипостаси человека, как *ум, воля и эмоции*. Воля в русском языке ассоциируется с твердостью, непреклонностью, агрессивностью: *железная воля, несгибаемая, всесокрушающая, воля к победе, к жизни, волевой человек, сильная личность*, воля может быть *доброй и злой*. Воля тесно связана с интеллектом в человеке, который имеет внутренний интеллектуальный план, организующий все его побуждения. С позиции языка слово *личность* не всегда имеет положительную оценку: "*Жена какая-то бесцветная личность*" (А.Куприн).

Итак, *лицо* – социальное существо, *личность* – моральный индивид, *особа* – эмоционально окрашено – оно выражает иронию или шутливое отношение, но может вносить и элемент отчуждения.

Таким образом, единая по своей субстанциональной природе сущность *человек* расщепляется в языке на ряд номинаций, которые отличаются друг от друга не только по своей функции, но и «относительно чего-либо или кого-либо». Категория наименований лица покрывает множество значений и характеризует человека как носителя общественных отношений и как существо биологическое и психическое.

Лингвисты одни из первых поняли и объяснили это другим, что язык – важнейший источник знаний о человеке: «Передавая знание, он формирует сознание» (Арутюнова 1999, с.325). Человек выступает как мера всех вещей, т.е. как особый код, используемый для обозначения предметов, явлений и отношений, существующих в мире: «Почти в каждом слове можно обнаружить следы человека» (Арутюнова, там же, с.3). Например, *роща* и *лес* различаются с точки зрения способности человека охватить их взглядом: *рощу* можно обозреть из одного места, а *лес* слишком велик для этого.

Ю.С.Степанов предложил лингвокультурную концепцию мира и человека в нем: «предметы «параметризуются» в зависимости от того ряда, к которому их относят или в отношении к которому их рассматривают. Чем важнее в культурном отношении предмет, тем больше в нем параметров» (с.552).

Язык обеспечивает определенную, общую для всех его носителей организацию пространства и времени. Каждая культура создает свое пространство и время, в котором протекает история народа. Это можно продемонстрировать также использованием названий частей человеческого тела (соматизмов) при восприятии пространства. Так, фразеологизмы с компонентом-соматизмом обозначают место или месторасположение относительно субъекта речи. Большинство этих ФЕ репрезентируют локацию по вертикали “верх/низ” или по горизонтали “вперед/назад”, “слева/справа”.

Эталоны координат по вертикали “заложены” во фразеологизмах: *под ногами* - “совсем близко”, *из-под <самого> носа* - “совсем близко, *под рукой* - “близко внизу на доступном расстоянии”.

Важнейшая базовая метафора, по Лакоффу и Джонсону, - это наше представление о собственном теле, именно она руководит нашим восприятием мира и его языковой репрезентацией. Например, о пространстве

мы судим исключительно с позиций нашего тела: *под рукой, рукой подать, под носом, под боком* (рядом), и даже будто бы не связанные с прямыми названиями тела слова типа *верх, низ, право, лево* значат «низ от нас», «верх от нас» и т.д. Пространственные координаты по горизонтали закодированы в следующих группах фразеологизмов: 1) *куда глаза глядят* - направление вперед на неопределенном расстоянии, *куда ноги несут* - неопределенное направление движения, *<туда>, где не ступала нога человека* - неизвестное местонахождение, *<насколько> глаз (хватает)* - далеко впереди, *рукой подать* - довольно близко, *рукой не достанешь* - далеко, но на доступном расстоянии; 2) *под боком (жить)* - совсем недалеко; *нос к носу (столкнуться)* - очень близко, спереди; *нос в нос* - слишком близко; *ухо к уху (стоять)* - рядом, сбоку; *ухо в ухо* - совсем рядом, сбоку на одной высоте; *плечом к плечу (стоять)* - рядом, сбоку; *бок о бок* - совсем рядом, сбоку.

Обыденным сознанием объединяются на основе общей функции - перемещение по оси «вперед/назад» - такие части тела, как *глаза, ноги, рука*. *Ноги* выполняют эту функцию как средство перемещения, *руки* - как средство приближения к себе отдаленных объектов, *глаза* определяют направление движения. Кроме того, *рука* - символ власти и могущества человека. Например, в Испании рисовали руку на воротах домов, чтобы сохранить их обитателей от злого глаза. В древности вытянутой вперед руке приписывались чудодейственные силы, отсюда сохранился жест благословляющей руки. По рукам можно определить прошлое и будущее человека, его психическое и физическое здоровье, его недостатки и достоинства, т.е. руку можно читать как текст. Отсюда вывод: личность соизмерима с миром, а сам язык насквозь антропоцентричен. «Присутствие человека дает о себе знать на всем пространстве языка, но более всего оно сказывается в лексике и синтаксисе - семантике слов, структуре предложения и организации дискурса» (Логический... 1999, с.3).

Отечественные психологи выделяют характер в качестве важнейшего компонента личности.

Существует множество определений термина характер, что лишь подчеркивает сложность и многогранность самого понятия. Слово *характер* имеет греческое происхождение, и может быть переведено как печать, чеканка. Анализ языковых выражений типа *волевой, сильный, мягкий, свободный характер* и др. позволяют заключить, что характер это каркас личности, это особые приметы, которые приобретает человек, живя в обществе. Психология же рассматривает характер как свойство личности, представляющее собой совокупность индивидуально-своеобразных и социально-типичных отношений человека к самому себе, к другим людям, природе и обществу, т.е. окружающему миру. Или, другими словами, это совокупность устойчивых индивидуальных особенностей личности, складывающаяся и проявляющаяся в деятельности и общении, обуславливая типичные для индивида способы поведения.

Характер – индивидуальное сочетание наиболее устойчивых приобретенных особенностей личности, проявляющихся в поведении человека, в определенном отношении: 1) к себе (степень критичности, самооценки и др.); 2) к другим людям (жестокость, доброта, коллективизм, грубость, лживость и т.д.); 3) к делу (лень или трудолюбие, аккуратность, пассивность, безответственность); 4) в характере отражаются волевые качества (готовность преодолевать препятствия и т.д.). Темперамент – это врожденная основа характера (Выготский, С.Л.Рубинштейн, Б.Г.Ананьев).

Таким образом, в понятие характера включены особенности социального поведения личности. Он отражает уклад жизни личности в социальной группе и проявляется в отношениях к объектам окружающей действительности и себе.

Характер не только проявляется в деятельности людей, но и в ней же формируется. Специфические для человека (или группы людей) отношения складываются в процессе познания и деятельности личности, ее воспитания и самовоспитания.

Формирование характера всегда было темой, остро интересующей специалистов, педагогов, психологов. Известно, что в характере сочетаются природное и приобретенное. Хотя характер и не врожден, особенности природной организации человека, и в первую очередь нервной системы, сказываются как на проявлениях характера, так и на процессе формирования его отдельных черт. Уравновешенность или неуравновешенность, сила или слабость, подвижность или инертность нервных процессов – все это окрашивает в определенный тон реакции человека, его поведение и деятельность.

Кроме типа нервной системы, на характер влияют и другие особенности организма: сердечно-сосудистой, пищеварительной и эндокринной систем. Точно установлено, что всякого рода расстройства в деятельности этих систем резко сказываются на характере человека.

В свою очередь образующиеся черты характера влияют на проявления природных свойств личности. Характер может маскировать одни из врожденных проявлений, усиливать другие, тормозить третьи за счет образования и упрочения новых рефлекторных связей, и т. п.

В характере каждого человека необходимо видеть единство устойчивых и динамичных свойств. Основа, главный стержень характера складывается постепенно, и в процессе жизни укрепляется и становится типичной для данного индивида.

С естественнонаучной точки зрения характер есть сплав черт типа нервной системы и жизненных впечатлений, закрепившихся в виде определенных временных нервных связей в коре головного мозга. И характер, являясь следствием отражения всей сложности жизненных влияний, формируется в процессе активного взаимодействия личности и среды. Следовательно, полнота и цельность, определенность характера, единство слова и дела это не природный дар, а свойства характера, формирующиеся в различных ситуациях жизни (Общая..., 1986). И даже

более точно, характер можно считать целостным образованием, системой свойств личности, находящихся в определенных отношениях друг к другу. И в этой целостной системе характера отдельные части имеют различное значение: одни выдвигаются на первый план, другие замаскировываются, третьи отступают на задний план. Характер человеческой личности всегда многогранен. В нем могут быть вычленены отдельные черты или стороны, которые, однако, не существуют изолированно, отдельно друг от друга, а являются связанными воедино, образуя более или менее цельную структуру характера, и эта структурность обнаруживается в закономерной зависимости между отдельными его чертами.

В структуру характера входят только наиболее выраженные и тесно взаимосвязанные свойства личности, отчетливо проявляющиеся в различных видах деятельности, в поведении человека, в его отношении:

- 1) к себе (степень требовательности, критичности, самооценки);
- 2) к другим людям (индивидуализм или коллективизм, эгоизм или альтруизм, жестокость или доброта, безразличие или чуткость, грубость или вежливость, лживость или правдивость, и т. п.)
- 3) к порученному делу (лень или трудолюбие, аккуратность или неряшливость, инициативность или пассивность, усидчивость или нетерпеливость, ответственность или безответственность, организованность и т. п.)
- 4) в характере отражаются волевые качества: готовность преодолевать препятствия, душевную и физическую боль, степень настойчивости, самостоятельности, решительности, дисциплинированности.

Состав характера также определяют такие психические процессы, как ощущение, восприятие, память, представление, воображение, мышление, внимание, воля. Основное отличие психических процессов от свойств личности заключается в том, что они протекают во времени в виде отдельных актов, имеющих начало и конец. В то же время свойства личности не протекают во времени, а проявляются как разнообразные свойства психических процессов в процессе жизнедеятельности. При этом особенности психических процессов, их протекание, устойчивость, превалирование определяются свойствами личности.

Наряду с характером, личность характеризуется целым рядом свойств – потребностями, интересами, склонностями. Обычно склонности базируются на интересах личности и представляют собой устойчивое стремление человека к занятиям определенными видами деятельности. Данные свойства личности в совокупности обуславливают вместе с психическими процессами вербальное и невербальное поведение личности, способы реагирования на действия (которые могут быть орудийными или неорудийными) и поступки других людей.

Человек по самому своему существу деятелен, поэтому деятельность личности есть постоянная реализация характера в течение жизни человека. В научных текстах деятельность рассматривается как сторона характера, и в ней, кроме чисто ситуативных, можно вычленить действия, выражающие

характер, которые могут быть определены как поступки.

Психология, философы, лингвисты, антропологи и представители ряда других гуманитарных наук установили, что характер может определяться следующими чертами: 1) бытовые черты – аккуратный – неаккуратный, чистый – грязный, пьяница и т.д. 2) интеллектуальные – умный – глупый, образованный – необразованный, развитой – тупой; 3) психические – храбрый – трусливый, веселый – печальный, надменный – смиренный; 4) социальные – общительный – необщительный, независимый – покорный, честный – нечестный и т.д.; 5) идеологические – патриотичный – непатриотичный, националист – космополит (Бартминьский).

Таким образом, «человек» и «характер» – базовые концепты философии, психологии, культурологии, лингвистики, социологии, антропологии, этнографии и др. наук, без их исследования, в том числе с позиций лингвокультурологии, невозможно адекватное описание культуры и языка. С другой стороны, без лингвистического и лингвокультурологического анализа концепта «человека», ключевого концепта любой культуры, невозможно адекватное понимание сущности человека. Отсюда следует, что именно лингвистические исследования могут многое прояснить в человекознании.

2. Языковая личность как важнейшая составляющая проблемы «человек и его язык»

*Быть личностью – значит
созидать свой уникальный
внутренний мир и выступать
причиной собственного существования.*

(В.В. Ермоленко)

Мы считаем характер – ядром личности, тем фундаментом, на котором выстраивается личность в ее целостности. Однако, например, психологи США не выделяют характер в качестве компонента личности. Чтобы разобраться в этом вопросе, рассмотрим подробнее, что мы вкладываем в понятия *личность* и *языковая личность* в их отношении к характеру.

Известно, что личность – это конкретный человек, носитель сознания, языка, обладающий сложным внутренним миром и определенным отношением к судьбе, миру вещей и себе подобным. Он занимает особое положение во Вселенной и на Земле, он постоянно вступает в диалог с миром, самим собой и себе подобными. Созданный по образу и подобию Божьему, он обладает свободой воли. Человек – существо социальное по своей природе, «человеческое в человеке порождается его жизнью в

условиях общества, в условиях созданной человечеством культуры» (Леонтьев, 1961, с.3).

Нас интересует не человек и личность вообще, а их статус в языке. Дело в том, что язык – единственное средство, способное помочь нам проникнуть в скрытую от нас сферу ментальности, ибо он определяет способ членения мира в той или иной культуре. Он рассказывает нам о человеке такие вещи, о которых сам человек и не догадывается.

И.А.Гончаров в письме к Е.Н.Нарышкиной писал: «Язык не есть только говор, речь: язык есть образ всего внутреннего человека: его ума, того, что называется сердцем, он выразитель воспитания, всех сил умственных и нравственных».

А.Ф.Лосев писал: «личность есть такая единственность и неповторимость, которая является не только носителем сознания, мышления, чувствования и так далее, но и вообще субъектом, который сам же себя соотносит с собою и сам же себя соотносит со всем окружающим» (Лосев, 1988, с.277). Поэтому для правильного понимания личности чрезвычайно важен характер отношений Я – ТЫ, Я – МЫ, Я – ОНИ, Я – ЭТО, Я – Я. Согласно русскому мировосприятию, Я есть часть МЫ, а не законченная, совершенная форма, индивид, как в ряде европейских культур. МЫ – это нечто важное, без чего не может существовать мир, оно почти всегда сопровождается позитивной коннотацией: *...всё ж соль земли – мы! Всё ж кровь земли – мы!* (М.Цветаева). Поэт объединяет себя то с миром, то с Россией, то с родными и близкими людьми: *мы с Россией – тоже бабы! Русь есть мы; ...мы здесь родные все* (М.Цветаева).

Концепция множественности личности получает поддержку со стороны ряда психологических теорий, например, теории З.Фрейда, концепция которого оказала большое влияние на все гуманитарное знание. Согласно З.Фрейду, душевный аппарат человека включает, помимо прочего, сознательное Я, бессознательное ОНО, а также сверх-Я, т.е. Я-идеал. Я человека, представляющее его разум, формируется в связи с процессами восприятия внешнего мира. В жизни Я важнейшее место занимают процессы восприятия, жизнь ОНО регулируется разнообразными влечениями и страстями. Разумное Я стремится обуздать ОНО.

Интересное сравнение концептов «человек» и «личность» в русском языке осуществила Р. И. Розина, подтверждая взаимоотношения между данными понятиями в психологии, философии, где «человек» и «личность» противопоставляются, как статичное и динамичное, как данное и сотворенное. Если в человеке сочетается физическое, духовное, социальное, то личность предполагает совокупность духовных и социальных свойств человека. «Быть личностью - приобретаемое свойство; личностью можно не быть, но постепенно становиться; можно даже говорить о создании личности...; поэтому личность артефакт» (Розина 1991, с.55). Слово *человек*, по наблюдениям исследовательницы, функционирует главным образом как субъект, *личность* - как предикат, а *быть личностью* - свойство, которое предикатируется отдельным индивидам и может градуироваться.

Поэтому, определяя личность как языковую, на наш взгляд, мы тем самым даем характеристику способностям человека к речемыслительным действиям. Данные способности каждый индивид реализует по-разному, демонстрируя разный уровень владения богатствами определенного языка. Описывая особенности индивидуального использования языка, мы тем самым объективируем идеальные черты личности, актуализированные с помощью языковых средств.

Именно в личности на передний план выходит социальная природа человека, а сам человек выступает как субъект социокультурной жизни. Личность определяется временем и местом: существуя в историческом времени и пространстве, она обладает соответствующей ментальностью - разделяет не только конкретные представления, но и доминирующие в ее среде способы думать и чувствовать, понимать мир и оценивать людей. В этом смысле принято говорить о личности и ее ментальности эпохи Возрождения, Средневековья, о русской языковой личности советского периода (см. «Языковой вкус эпохи» В.Г. Костомарова) и т.д.

Есть различные концепции личности и языковой личности.

Так, известный американский психолог А. Маслоу видит человека как **бытие внутренней природы**, которая почти независима от внешнего мира и которая есть исходная предпосылка всякой психологии, а жизнь в согласии с внутренней природой рассматривается как причина психического здоровья. Становление личности, с точки зрения А. Маслоу, - это движение к идеалу, качестве которого выступает личность, всесторонне реализовавшая себя. Он пишет: «Человеческому существу, чтобы жить ... необходимы система координат, философия жизни, религия (или заменитель религии), причем они нужны ему почти в той же мере, что и солнечный свет, кальций или любовь» (Маслоу, 1997, с.250).

Личность вообще, по образному определению Н.Ф.Алефиренко, рождается как своеобразный «узелок», завязывающийся в сети взаимных отношений между членами конкретного этнокультурного сообщества в процессе их совместной деятельности (Алефиренко, 1993). Иными словами, основным средством превращения индивида в языковую личность выступает его социализация, предполагающая три аспекта такой трансмутации: а) процесс включения человека в определенные социальные отношения, в результате которого языковая личность оказывается своего рода совокупностью реализаций культурно-исторического знания всего общества; б) активная речемыслительная деятельность по нормам и эталонам, заданным той или иной этноязыковой культурой и в) процесс усвоения законов социальной психологии народа. Для становления языковой личности особая роль принадлежит второму и третьему аспектам, поскольку процесс присвоения той или иной национальной культуры и формирование социальной психологии возможны только посредством языка, являющегося для культуры, по выражению С. Лема, тем самым, что центральная нервная система для жизнедеятельности человека.

Таким образом, личность должна рассматриваться в перспективе культурной традиции народа, этноса. Категории культуры - это пространство, время, судьба, право, богатство, труд, совесть, смерть и т.д. (См. также словарь концептов русской культуры Ю.С.Степанова, а также «Антологию концептов русской культуры» под ред. В.И. Карасика). Они отражают специфику существующей системы ценностей и задают образцы социального поведения и восприятия мира. Это своеобразная система координат формирует языковую личность. Поэтому следующим этапом в осмыслении личности стала разработка понятия «языковая личность».

Первое обращение к языковой личности связано с именем немецкого ученого Л.Вейсгербера (*Sprachliche Personlichkeit*). Хотя языковая личность исследуется и психологами, и философами, и культурологами, наилучших результатов достигли именно лингвисты.

В отличие от психологии, где в центре внимания чаще находятся эмоционально-волево-интеллектуальные проявления личности, ее социальные характеристики и структура, в отличие от философии, где систематизируются свойства личности, позволяющие охарактеризовать ее как языковую, правовую и др., лингвистов прежде всего интересуют интеллектуальные, когнитивные, коммуникативные характеристики индивида, имеющие языковое выражение. Поэтому, определяя языковую личность как объект лингвистического изучения, основываются на главных свойствах языка и базовых понятиях языкознания. В зависимости от критериев описания языковой личности ее характеризуют как этносемантическую, литературную, словарную и т. п.

В русской лингвистике первые шаги в этой области сделал В.В.Виноградов, который выработал два пути изучения языковой личности - личность автора и личность персонажа (Виноградов, 1959); о говорящей личности писал А.А.Леонтьев (1977, с.228). Само понятие языковой личности начал разрабатывать Г.И.Богин, он создал модель языковой личности, в которой человек рассматривается с точки зрения его «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» (Богин, 1984, с.1). Ввел же это понятие в широкий научный оборот Ю.Н. Караулов, который считает, что языковая личность - это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся «а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» (Караулов, Красильникова, 1989, с.206).

Языковая личность как объект лингвистического изучения позволяет на систематической основе рассматривать как взаимодействующие все четыре фундаментальных языковых свойства, а именно: исторически обусловленный характер развития языка, его психическую природу, системно-структурную организацию, социально обусловленный характер возникновения и употребления. «Во-первых, потому, что личность есть средоточие и результат социальных законов; во-вторых, потому, что она есть продукт исторического развития этноса; в-третьих, по причине

принадлежности ее мотивационных предрасположений, возникающих из взаимодействия биологических побуждений с социальными и физическими условиями, - к психической сфере; наконец, в-четвертых, - в силу того, что личность есть создатель и пользователь знаковых, т. е. системно-структурных по своей природе, образований. В итоге известная метафора «Стиль - это человек» расшифровывается как двухплановая формула, которая включает представление о личности, реализующей определенный стиль жизни, отражаемый в стиле употребления языка, т. е. соединяет социально-поведенческий контекст с речевым» (Караулов, 2004, с. 22).

Ю.Н.Караулов разработал уровневую модель языковой личности с опорой на художественный текст (Караулов, 1987). Языковая личность, по его мнению, имеет три структурных уровня. В непосредственном наблюдении дан структурно-языковой, или семантико-строевой, инвариантный уровень, отражающий степень владения обыденным языком. Следующий уровень – когнитивный, где происходит актуализация и идентификация релевантных знаний и представлений, присущих социуму/языковой личности и создающих коллективное и/или индивидуальное когнитивное пространство (Красных, 1997). Этот уровень предполагает отражение языковой модели мира личности, ее тезауруса, культуры. И высший уровень - мотивационный, целеполагающий, прагматический. Он включает в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности.

Следовательно, кодирование и декодирование информации происходит при взаимодействии трех уровней «коммуникативного пространства личности» – вербально-семантического, когнитивного и прагматического.

Ю.Н.Караулов справедливо отмечает, что концепция трехуровневого устройства языковой личности определенным образом коррелирует с тремя типами коммуникативных потребностей – контактоустанавливающей, информационной и воздействующей, а также с тремя сторонами процесса общения - коммуникативной, интерактивной и перцептивной (Караулов, 1987, с.214).

Уровневая модель языковой личности отражает обобщенный тип личности. Конкретных же языковых личностей в данной культуре может быть множество, они отличаются вариациями значимости каждого уровня в составе личности. Таким образом, языковая личность – это многоуровневая и многокомпонентная парадигма языковых личностей, работающих в парадигме реального общения.

В концепциях языковой личности других авторов в модифицированном виде представлена концепция Ю.Н. Караулова. В известных нам концепциях языковая личность – это «многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей» (Клобукова, 1995) с.323). А далее Ю.Е.Прохоров уточняет: «Если языковая личность – это парадигма речевых личностей, то, наоборот, речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности» (Прохоров, 1996, с.59). Именно на уровне речевой

личности проявляются как национально-культурная специфика языковой личности, так и национально-культурная специфика самого общения.

Параметры языковой личности только начинают разрабатываться. Она характеризуется определенным запасом слов, имеющих тот или иной ранг частотности употребления, которые заполняют абстрактные синтаксические модели. Если модели достаточно типичны для представителя данного языкового коллектива, то лексикон и манера говорения может указывать на его принадлежность к определенному социуму, свидетельствовать об уровне образованности, типе характера, указывать на пол и возраст и т.д. Языковой репертуар такой личности, деятельность которой связана с выполнением десятка социальных ролей, должен быть усвоен с учетом речевого этикета, принятого в социуме.

На сегодняшний день известны различные подходы к изучению языковой личности, определяющие статус ее существования в лингвистике: полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности (В.П.Нерознак), этносемантическая личность (С.Г.Воркачев), элитарная языковая личность (О.Б.Сиротина, Т.В.Кочеткова), семиологическая личность (А.Г.Баранов), русская языковая личность (Ю.Н.Караулов), языковая и речевая личность (Ю.Е.Прохоров, Л.П.Клобукова), языковая личность западной и восточной культур (Т.Н.Снитко), словарная языковая личность (В.И.Карасик), эмоциональная языковая личность (В.И.Шаховский), коммуникативная языковая личность и т.д.

В современных лингвистических исследованиях языковая личность часто понимается как словарная, т.е. как культурный прототип носителя конкретного языка, своеобразный «семантический фоторобот», созданный на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов, особенностей поведения, отображенных в словаре (Воркачев, 2001, с. 65-66).

Коммуникативная личность неоднородна, может включать различные роли (голоса, многоголосие личности), при этом сохраняя свою идентичность. Сейчас говорят, что коммуникативная личность включается в различные дискурсы, например: Чехов как писатель и драматург и как врач. Один и тот же человек может быть студентом, продавцом, покупателем, рэкетиром, жертвой, ребенком, родителем. Но при этом приемы коммуникативной тактики, например, обмана или убеждения, вымогательства или просьбы – будут сходными в разных ролевых контекстах, но в близких коммуникативных ситуациях. Различаться они будут индивидуальной окрашенностью (студент-троечник и преподаватель-троечник).

С точки зрения целостно-системного подхода А.В.Пузырев различает такие виды языковой личности: 1) мыслительную (мыслящую), 2) языковую (владеющую определенным языком), 3) речевую (говорящую), 4) коммуникативную (коммуницирующую).

В.В.Красных выделяет в языковой личности следующие понятия: 1) человек говорящий – «личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность»; 2) языковая личность – личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая совокупностью знаний и представлений; 3) речевая личность – это личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, репертуар средств; 4) коммуникативная личность – конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации (Красных, 1998, с.17).

Для нашего исследования мы используем лишь две ее составляющих – собственно языковую и лингвокультурную личности в их национальном аспекте. Национальная языковая личность – социальное явление, но в ней есть и индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов; но при этом не следует забывать, что языковая личность оказывает влияние на становление языковых традиций. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства, созданного предшественниками. Язык конкретной личности состоит в большей степени из общего языка и в меньшей – из индивидуальных языковых особенностей.

Таким образом, в структуре языковой личности выделяют несколько уровней: вербально-семантический, который исследуется в лингвистике давно и успешно, когнитивный, коммуникативный, прагматический и лингвокультурный, интерес к которым возник только в последние десятилетия.

По утверждению В. фон Гумбольдта, изучение языка не является конечной целью лингвистических исследований, а «вместе со всеми прочими областями служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа, цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» (Гумбольдт 1985, с. 383). Поэтому антропологический феномен языка в работах данного направления рассматривается в неразрывной связи с речевой деятельностью человека. Такому пониманию способствует весь путь лингвистики. Напомним, что в рамках структурной парадигмы лингвистика превратилась в кастовую и закрытую науку, о чем хорошо сказал французский лингвист Ажеж: «Лингвистика, изучая самое человеческое, что есть в человеке, никак не может быть замкнутой областью знания... Одержимость научностью придала ее облику ложную строгость, равную которой нельзя обнаружить более нигде, включая самые точные науки. Увлечение формальной записью в конце концов загнало ее в тесную келью технического дискурса...» (Ажеж, 2003, с.279). Теперь лингвистика успешно, а часто и более глубоко, нежели психология, философия, социология исследует и национальный характер, и стереотипы поведения, и речевое поведение в различных ситуациях.

Существующие на данный момент работы, объектом исследования

которых стала языковая личность, мы предлагаем объединить в две большие группы. Обобщая сказанное, можно выделить как минимум два направления в исследовании языковой личности.

Работы первого направления ориентируются на принципы анализа, предложенные Ю. Н. Карауловым. Соответственно, языковая личность здесь рассматривается как одна из обобщающих категорий лингвистики, обладающая признаками системной организации (вербально-семантический, лингвокогнитивный, мотивационный уровни) с соответствующим набором средств реализации (слова, понятия, деятельностно-коммуникативные потребности) (Караулов 2004, с. 57), которые исследуются в ценностном, познавательном, поведенческом аспектах (Карасик 2004, с. 22). Язык же понимается как конструктивное свойство человека, который, в свою очередь, определяется и понимается через язык.

В основу исследований второго направления были положены работы В. В. Виноградова, посвященные языку художественной литературы. Языковая личность здесь понимается как личность, обладающая коммуникативными, социально-историческими, этнонациональными и др. особенностями, находящими свое выражение на языковом уровне системой специфических языковых средств. Языковая личность исследуется не как научная абстракция, а как языковая «ипостась» личности, актуализированная в деятельности конкретного человека или группы лиц, объединенных общими целями и задачами. Результатом работ этого направления является описание социально обусловленных типов языковой личности. Обобщение таких описаний может способствовать созданию типологии языковой личности, тем самым связав два направления между собой. Синтетическую модель языковой личности, представляющую ее социально-лингвистические и литературно-стилистические черты и по сути развивающую модель В. В. Виноградова, находим в ряде работ (например: Иванова 2000; Кукушкина 2004; Нефедова 2003 и др.). К тому же, вполне продуктивным и перспективным представляется изучение «языковой картины мира индивида сквозь призму языковой личности последнего» на основе анализа его основного произведения (Иванова 2000, с. 6).

Здесь нас интересует личность как совокупность социально значимых духовных и физических качеств в лингвистическом аспекте, т.е. лингвокультурная языковая личность, в содержание которой включаются такие компоненты:

- 1) ценностные, мировоззренческие компоненты содержания воспитания, т.е. система ценностей или жизненных смыслов. Язык обеспечивает первоначальный и глубинный взгляд на мир, образует тот языковой образ мира и иерархию духовных представлений, которые лежат в основе формирования национального характера и реализуются в процессе языкового диалогового общения.
- 2) Культурологический компонент, т.е. освоение культуры как эффективного средства повышения интереса к языку. Привлечение фактов культуры изучаемого языка, связанных с правилами речевого

и неречевого поведения, способствует формированию навыков адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по коммуникации.

3) Личностный компонент.

Культурологический аспект языковой личности чрезвычайно важен для исследования лингвокультурной личности, т.к. языковое самосознание, составляющее основу языковой личности, является частью культурного самосознания. «Между осознанием элементов языка и других элементов культуры нет четко выраженной границы... В переломные исторические эпохи родной язык становится символом национального самосознания. Существенно также, что осознание элементов языка или языковой структуры текстов совершается теми средствами и идет по тем путям, которые предоставляет личности культура» (Никитина 1989, с. 35).

Таким образом, под лингвокультурной личностью следует понимать закрепленный в языке (преимущественно в лексике и синтаксисе) базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры личности.

Культура, к которой мы принадлежим, воспринимается как через язык, так и через различные невербальные процессы – эмоциональные реакции и оценки, которые формируются ценностной ориентацией социума и сами, в свою очередь, формируют уникальный для каждой культуры этос (Этос культуры – это «ее моральный и эстетический аспект, ее оценочные элементы и ее тональность...моральный и эстетический стиль и вкус народа» (Лурье, 1998, с.41).

Картина мира – понятие наиболее полно отражающее способность человеческого сознания обобщать и категоризировать представления о мире. Картина мира не может рассматриваться изолированно от человеческого сознания и его способности структурировать свои представления о мире. Поэтому картина мира – не столько образ мира, сколько образ отношения человека к миру. Эта проблема также находится в рамках изучения внутреннего смыслового пространства языковой личности, ибо существует особая интенциональная психологическая реальность, которая не просто влияет на характер восприятия мира, но и сама способна порождать новые знания о мире. Эта мысль выводит нас за рамки теории отражения, согласно которой познание является лишь отражением того, что существует вне и независимо от нашего сознания (Философский словарь...).

Языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.) в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры и т.д. Определяющая роль в культуре принадлежит ценностям нации, которые являются концептами смыслов. Культурные ценности представляют собой систему, в которой можно выделить универсальные и индивидуальные, доминантные и дополнительные смыслы. Как формируется система этических и эстетических оценок и ценностей, присущих той или иной культуре, как она преломляется в характере

языковой личности? Они находят отражение в языке - в значениях слов и синтаксических единиц, во фразеологизмах, в паремиологическом фонде и прецедентных текстах (по Ю.Н.Караулову). Например, во всех культурах осуждаются такие человеческие пороки, как жадность, трусость, неуважение к старшим, лень и др., но в каждой культуре они различаются по-разному, ибо имеют разную комбинаторику признаков. Для каждой культуры можно разработать параметры, которые будут своеобразными координатами культуры. Такие параметры будут считаться исходными ценностными признаками. Наряду с другими чертами личности характер выполняет функцию отбора ценностей - высших ориентиров в культуре. Ценности лежат в основе тех предпочтений, которые делает человек, характеризуя мир. Под ценностью в широком смысле понимается положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, группы, общества в целом. Ценности бывают индивидуальные, групповые, национальные и общечеловеческие и др. Большинство из них зафиксировано в языке – в слове, фразеологизме, паремии и т.д.

Таким образом, языковая личность, прежде всего как явление социальное неизбежно отражает и национально-культурный компонент своего сознания, что позволяет через ее посредство подойти к национальному характеру.

Для национальной языковой личности важна прежде всего духовно-ценностная ориентация, находящая свое выражение в *отсутствии стремления к материальным благам, стяжательству и богатству; склонности к христианскому терпению и смирению. Порядок, трудолюбие, активная жизненная позиция* не обладают особой ценностной значимостью, русским свойственен *расчет на «авось» и везение*.

В качестве основных ценностей белорусского лингвосоциума выделяют такие, как *любовь к малой родине; трудолюбие; взаимопомощь («талака»); толерантность; неприятие крайностей и конфликтов*. Данные аксиологические приоритеты определяют следующие особенности национального характера: *миролюбие, покладистость, неагрессивность, склонность к согласию и поиску компромиссов*. Белорусская культура базируется на ценностных принципах взаимопомощи ближнему, отрицания немотивированного насилия, разумной достаточности, минимализма требований к жизни. В белорусской культуре, также как в русской и немецкой, осуждаются *пьянство, воровство, хитрость*.

Следовательно, без понимания того, что есть характер, национальный характер, невозможно понять личность во всей ее глубине.

3. Проблема характера: история и современное состояние

"Характер – общая стилистика в привычках, усвоенных тактиках,

это общий рисунок, манера поведения...".

(А.Г.Шмелев)

Попытки дать объяснение термину «характер» делались многими выдающимися учеными – психологами, философами, культурными антропологами. Характер – одна из достаточно размытых и плохо определяемых категорий, а потому определений его довольно много: они есть в работах Абрахама, Райха, А. Лоуэна, Э. Фромма и др.

В переводе с греческого «характер» (character) - «чеканка», «примета», «печать». Э. Фромм определяет характер так: "Характер – это специфическая форма человеческой энергии, возникающая в процессе динамической адаптации человеческих потребностей к определенному образу жизни в определенном обществе". Современные психологи расширяют это понимание. Так, Н.Д. Левитов считает: "Характер – содержательный и общественно-значимый компонент личности, проявление направленности, мировоззрения в его поведении". К.К.Платонов полагает, что характер – «это индивидуально ярко выраженные и относительно устойчивые психологические черты человека, влияющие на его поведение и поступки". С точки зрения А.В.Петровского, характер – это совокупность устойчивых индивидуальных особенностей личности, складывающаяся и проявляющаяся в деятельности и общении, обуславливая типичные для индивида способы поведения.

Существуют и другие определения, большинство из которых можно свести к следующему: характер - это модель поведения, присущая данному человеку. Не вдаваясь в их скрупулезный анализ, примем рабочее определение. Характер – совокупность ярко выраженных и относительно устойчивых психологических черт личности, складывающихся и проявляющихся в деятельности и общении и влияющих на мировоззрение и систему отношений между людьми, а также на поведение личности в целом.

Первые дошедшие до нас теории характера ставили его в зависимость от формы черепа, строения лица, конституции (строения тела и т.д.), пытаясь таким образом открыть путь дешифровки черт характера. Уже Аристотель и Платон предлагали определять характер человека по физиономии. В основе их характерологии была попытка отыскать во внешности человека черты сходства с каким-нибудь животным, а затем отождествлять его характер с характером этого животного. Так, по Аристотелю, толстый, как у быка, нос, символизировал лень, широкий нос с большими ноздрями, как у свиньи, - глупость, нос, как у льва, - важность, волосы тонкие, как шерсть у коз, овец и зайцев, - робость, волосы жесткие, как у львов и кабанов, - храбрость.

В XVIII веке приобрела известность физиогномическая система И.К. Лафатера, который считал, что человеческая голова есть «зеркало души», и изучение её строения, конфигурации черепа, мимики, есть основной путь для познания человеческого характера. И.К. Лафатер оставил ряд остроумных наблюдений над лицами знаменитых людей, собранных в его книге «Физиогномика». Достаточно широко известны книги Ф. Джордано

"Характер с точки зрения тела и генеалогии человека" и Ф. Полана "Психология хараткра".

О. де Бальзак в 1833 г написал трактат «Теория походки», в котором определял характер человека по его походке. С. Цвейг считал, что характер человека можно узнать по его рукам, В. Вересаев советовал смотреть на губы, чтобы понять характер и т.д.

В настоящее время ни антропология, ни анатомия, ни психология не располагают никакими сколько-нибудь достоверными данными о том, что характер человека зависит от строения тела, формы черепа, конфигурации лица, цвета волос и кожи, длины конечностей и т.д. Однако из этого вовсе не следует, что не существует зависимости характера от внешности человека. И, тем не менее, исследования характера в XX веке уже идут другим путем.

Неоднозначно решенными являются не только проблема определения характера и его дешифровка, но и типология характера. Первая попытка классифицировать характеры принадлежит Платону, который создал типологию характеров, основываясь на этических принципах. В древнегреческой литературе типологию характеров описал Теофраст. Потом к этой проблеме вернулись лишь в конце XIX века.

Философ Н. Лосский дал свою типологию характеров, основываясь на воле и стремлениях личности. Он делит людей на типы: чувственный, эгоцентричный, сверхличностный. Сверхличный тип отличается преобладанием сверхличных стремлений, источник которых лежит не в потребностях организма, а в факторах высшего порядка: религиозных, научных, эстетических. Эти люди действуют как бы от лица высшей воли. В это же время А.Ф. Лазурский создает психосоциальную классификацию характеров, которая учитывала мировоззрение личности и ее социальный аспект, но в его классификации нет места высшим силам.

Со второй половины XX века и в начале XXI характер активно изучается целым рядом наук – психологией, философией, лингвистикой и др. Наиболее продвинутой наукой в изучении характера на сегодняшний день является психология (Бороздина, 1997; Люшер, 1997; Делакур, 1997), согласно которой характер есть сплав черт типа нервной системы и жизненных впечатлений, закрепившихся в виде определенных временных нервных связей в коре головного мозга.

С точки зрения современной психологии, характер - это модель поведения, характерная для данного человека, это каркас личности. В современной психологии вопросами характера активно занимались П.В.Симонов, П.М.Ершов, А.Р.Лурия, Р.С. Немов, немецкий психиатр Э.Кречмер, В.М.Русалов и др.

А.Н. Леонтьев в своей книге «Деятельность, сознание, личность» пишет: «Психология человека имеет дело с деятельностью конкретных

индивидов, протекающей или в условиях открытой коллективности – среди окружающих людей совместно с ними и во взаимодействии с ними, или с глазу на глаз с окружающим предметным миром – перед гончарным кругом или за письменным столом» (Леонтьев, 1975). При этом он отмечает, что в каких бы условиях и формах ни протекала деятельность отдельного человека, какую бы структуру она ни имела, ее нельзя рассматривать как изъятую из общественных отношений, из самой жизни общества. То есть при всем своеобразии и разнообразии деятельность индивида представляет собой систему, включенную в другую систему – общественных отношений. По А.Н. Леонтьеву, вне этих отношений человеческая деятельность вообще не существует. Деятельность, как известно, реализуется в поступках личности. Но при этом нужно учитывать с какой мотивацией они совершаются (это то, что в богословии называется *помыслами*). И. Кант в книге «О характере как образе мыслей» говорит, что поступок есть сознательное действие индивида, оцениваемое как акт его нравственного самоопределения, в котором он утверждает себя как личность в своем отношении к себе самому, другим людям или обществу в целом, а также к окружающему миру в целом. [5] Р.С. Немов дает следующую дефиницию самому слову «поступок»: это сознательно совершенное человеком и управляемое волей действие, исходящее из определенных убеждений, ценностей и нравственных норм (Немов, 1993).

Из оценки поступков человека складывается качества личности: допустил грубость – значит, совершил плохой поступок, *он грубый* – качество личности. Известна восточная мудрость: *Посей поступок - пожнешь привычку, посей привычку - пожнешь характер, посей характер - пожнешь судьбу*. Акцент здесь правильно поставлен на человеческих поступках, которые, повторяясь, становятся привычными, закрепляются в чертах характера, составляя его существо, влияя на положение человека в общественной жизни и отношение к нему со стороны других людей данного социума. Поэтому важнейший компонент характера – устойчивые способы поведения.

Известный психолог, В.А. Крутецкий, согласен с А.Н. Леонтьевым в том, что характер раскрывается через поведение и поступки человека, и при этом добавляет: «Если определенные отношения к действительности и соответствующие им формы поведения не случайны для данного индивида, а более или менее устойчивы и постоянны, то, что значит, они стали свойствами его личности» (Крутецкий, 1982, с. 61). Ученый утверждает, что свойства личности, выражающие отношение этой личности к действительности, всегда образуют некое своеобразное сочетание, представляющее не сумму отдельных особенностей данного человека, а единое целое, которое и называют характером человека. Характер – это отношение, закрепленное в привычных формах поведения. В.А. Крутецкий отмечает: «Говоря, что у человека такой-то характер, мы тем самым раскрываем систему его отношений к действительности и одновременно закрепленный, привычный образ его поведения в определенной ситуации как

способ осуществления этих отношений» (Крутецкий, 1982, с. 61). Таким образом, он делает вывод, что, определяя черты характера данного человека, мы тем самым указываем, каково его отношение к людям и одновременно каково его поведение в определенной ситуации и, следовательно, каких поступков от него можно ожидать в тех или иных условиях.

Такое понимание практически не расходится с тем, как понимают характер А.В.Петровский, Л.Д.Столяренко, Ю.Б.Гиппенрейтер, В.В.Богословский, В.П. Зинченко, А.В.Брушлинский и др. Все эти исследователи сходятся во мнении, что характером может называться индивидуальное сочетание существенных свойств личности, показывающих отношение человека к окружающему миру и выражающееся в его поведении и поступках.

Советский характеролог В.Н.Мясищев считал, что личностные отношения к различным сторонам действительности, которые становятся типичными для человека и проявляются в привычных для него способах поведения, составляют характер человека. Система общих отношений составляет структуру характера человека. За отношениями человека стоят его потребности. Сила характера различна у разных людей. Потребности человека составляют содержание характера, а их проявление в поведении – форма характера (Бодалев, 1988, с.16). В характере представлены интеллект, воля и чувства человека. Волю многие психологи называют "хребтом" характера.

По мнению Р.С. Немова характер можно отнести к числу инструментальных личностных свойств. От него больше зависит не содержание, а манера выполнения деятельности (Немов, 1987). В то же время нельзя отрицать и тот факт, что характер может проявляться и в выборе цели действия. Однако, считает Р.С. Немов, когда цель определена, характер выступает больше в своей инструментальной роли, т.е. как средство достижения поставленной цели.

Кроме вышеупомянутых ученых, многие другие психологи коснулись в своих работах проблемы характера и примыкающих более частных проблем: Э. Кречмер составлял типологию характеров в связи со строением тела человека, А.Е. Личко изучал акцентуации характеров. К. Леонгард провел исследование акцентуаций типов людей по характерной манере общения, К. Юнг в своей работе «Психологические типы» также писал о характере. Все эти ученые пришли к выводу, что, во-первых, характер человека формируется довольно рано в онтогенезе и на протяжении остальной его жизни проявляет себя как более или менее устойчивый, и, во-вторых, те сочетания личностных черт, которые входят в характер человека, не являются случайными, а зависят от условий жизни и деятельности конкретного индивида.

Современные психологи утверждают, что личность человека характеризуется не только тем, что он делает, но и тем, как он это делает. Действуя на основе общих интересов и разделяемых всеми убеждений, люди могут обнаруживать в своём общественном поведении, в своих поступках

неодинаковые, порой противоположные индивидуальные особенности: одни мягкие, уступчивые, другие - жесткие, нетерпимые, третьи – весёлые и уживчивые, четвертые – грустные и робкие, пятые – самоуверенные и решительные и т.д.

Индивидуальные особенности, образующие характер человека, относятся в первую очередь к воле (решительность или неуверенность, боязливость) и к чувствам (жизнерадостность или угнетённость), но в некоторой и к уму (легкомыслие или вдумчивость) (Ковалёв, Мясищев, 1958). Состав характера также определяют такие психические процессы, как ощущение, восприятие, память, представление, воображение, мышление, внимание, воля. Основное отличие психических процессов от свойств личности заключается в том, что они протекают во времени в виде отдельных актов, имеющих начало и конец. В то же время свойства личности не протекают во времени, а проявляются как разнообразные свойства психических процессов в процессе жизнедеятельности. При этом особенности психических процессов, их протекание, устойчивость, превалирование определяются свойствами личности (Общая психология, 1986).

Большинство психологов считают, что проявления характера являются комплексными образованиями и в ряде случаев практически не поддаются разнесению по разрядам волевых, эмоциональных или интеллектуальных процессов (к примеру, подозрительность, великодушие, щедрость и др.).

Особый интерес в отечественной психологии и педагогике уделяется формированию характера. Известно, что в характере сочетаются природное и приобретенное. Хотя характер и не врожден, особенности природной организации человека, и в первую очередь нервной системы, сказываются как проявлениях характера, так и на процессе формирования его отдельных черт. Уравновешенность или неуравновешенность, сила или слабость, подвижность или инертность нервных процессов - все это окрашивает в определенный тон реакции человека, его поведение и деятельность.

Кроме типа нервной системы, на характер влияют и другие особенности организма: сердечно-сосудистой, пищеварительной и эндокринной систем. Точно установлено, что всякого рода расстройства в деятельности этих систем резко сказываются на характере человека.

В свою очередь образующиеся черты характера влияют на проявления природных свойств личности. Характер может маскировать одни из врожденных проявлений, усиливать другие, тормозить третьи за счет образования и упрочения новых рефлекторных связей и т. п.

В характере каждого человека необходимо видеть единство устойчивых и динамичных свойств. Основа, главный стержень характера складывается постепенно, и в процессе жизни укрепляется и становится типичной для данного индивида. В нем могут быть вычленены отдельные черты или стороны, которые, однако, не существуют изолированно, отдельно друг от друга, а являются связанными воедино, образуя более или менее цельную

структуру характера, и эта структурность обнаруживается в закономерной зависимости между отдельными его чертами.

Личность как носитель характера является членом определенного социума и связана с ним различными отношениями, находится в определенных экономических, политических, культурных условиях, общих как для нее, так и для многих других людей членов этого общества (Немов, 1993). Такие условия формируют общие типические черты характера нации. Типическое в характере людей и конкретного человека отражает существенное в социальной жизни общества.

Так, люди одной нации в известной мере разделяют сложившиеся на протяжении поколений национальные условия жизни, испытывают на себе специфические особенности национального быта, развиваются под влиянием сложившейся национальной культуры, языка. Поэтому люди одной нации по образу жизни, привычкам, понятиям и характеру отличаются от людей другой нации.

Следовательно, в описании характера конкретного человека можно выделить общечеловеческие, национальные и индивидуально-своеобразные черты, которые взаимопроникают друг в друга, составляя цельный психический склад личности, образ поведения человека.

С точки зрения психологов, характер, будучи индивидуальным сочетанием наиболее устойчивых особенностей личности, проявляется в поведении человека и в его отношении: 1) к себе (степень критичности, самооценки и др.); 2) к другим людям (жестокость, доброта, коллективизм, грубость, лживость и т.д.); 3) к делу (лень или трудолюбие, аккуратность, пассивность, безответственность). Характер формируется в тесной связи с **волей** (например, готовность преодолевать препятствия или желание идти по жизни, обходя острые углы) и **темпераментом**, который признается врожденной основой характера (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев). Темперамент – (от лат. *temperamentum* - надлежащее соотношение частей) – устойчивое объединение индивидуальных особенностей, связанных с динамическими, а не содержательными (как характер) аспектами деятельности. Темперамент – биологический фундамент, на котором формируется личность как социальное существо вместе с ее характером, поэтому нельзя сводить характер к темпераменту: темперамент лишь природная основа характера. Характер может преобразовывать темперамент.

В XX веке возникло понятие "социального характера". Поль Гриже в своей работе «Этническая характерология. Сближение и взаимопонимание народов» (Париж, 1961) под этническим характером понимает совокупность общих свойств, образующих внутреннюю структуру социальной группировки людей. Но этнический характер нельзя смешивать ни с национальным темпераментом, ни с «душой народа». Э.Фромм предложил типологию социальных характеров, отмечая при этом, что "В социальный характер входит лишь та совокупность черт характера, которая присутствует у большинства членов данной социальной группы и которая возникла в результате общих для них переживаний и общего образа жизни".

Следовательно, национальный характер образуют наиболее типические черты, сформированные у национальной личности.

По Л.Гумилеву, существует этническое поле, которое имеет присущий только ему ритм. Этот ритм задает пассионарность, которая есть "биохимическая энергия живого вещества биосферы", она также активно формирует национальный характер.

В каждом национальном характере выделяется ряд национальных черт, которые накладывают свой отпечаток на интерпретацию реалий мира. Из национальных характеров складываются "племенные" (И.Тэн), которые, согласно Н.Я.Данилевскому, представляют собой культурно-исторические типы семейств народов. Национальный характер, формируется на протяжении длительного времени, охватывающего практически всю историю данного народа. Конкретные черты характера народа складываются в зависимости от его традиций, культуры, социальных структур, внешней, природной среды обитания.

Психологи выделяют 5 глобальных черт, присущих социальной языковой личности (А.Г. Шмелев, М.В.Бодунов, У.Норман и др.): 1) самоуверенность – неуверенность, 2) дружелюбие – враждебность, 3) сознательность – импульсивность, 4) эмоциональная стабильность – тревожность, 5) интеллектуальная гибкость – ригидность. Локальные черты – это лидерство – подчиненность, общительность – замкнутость, оптимизм – уныние, смелость – осторожность и др.

Следовательно, полнота и цельность, определенность характера, единство слова и дела - это не природный дар, а свойства характера, формирующиеся в различных ситуациях жизни. Это система свойств личности, находящихся в определенных отношениях друг к другу. И в этой целостной системе характера отдельные черты имеют различное значение: одни выдвигаются на первый план, другие замаскировываются, третьи отступают на задний план. Характер человеческой личности всегда сложен и многогранен. Поэтому характер нужно рассматривать всесторонне, анализировать поведение в различных ситуациях жизни, в развитии, в зависимости от сложившихся условий жизни и воспитания в конкретном обществе.

Итак, характер имеет социальную природу, т.е. зависит от мировоззрения человека, содержания и характера его деятельности, от общества, в котором он живет и действует, от активного взаимодействия с другими членами этого общества. Это значит, что в разных социумах одни и те же проявления черт характера, одни и те же поступки будут рассматриваться и оцениваться по-разному. И, анализируя характер конкретного человека, необходимо учитывать те общественно-исторические условия, в которых он живет, поскольку они детерминируют определенные черты характера личности.

Хитрость, например, в русском сознании – отрицательное качество, в

восточных культурах - положительное. «*Хитрость – все равно, что мелкая монета, на которую не купишь многого*» (И.Гончаров. Обломов).

Нас интересует проблема национального характера. Национальный характер, по К.Касьяновой, - это "общество внутри нас", существующее в виде однотипных для людей одной и той же культуры реакций на привычные ситуации в форме чувств и состояний. Он есть часть нашей личности. В этнопсихологии – это "модальная личность". Главный носитель этнического начала в любом народе – религия, фольклор, мифология.

К.Касьянова пишет: "Мир существует и движется только нашими жертвами, нашим терпением, нашим самоограничением" (Касьянова, 2004, с.121). Отсюда вывод: национальный характер – феномен общественного бытия и сознания. Он многослоен: в нем сочетаются социальное и биологическое. По К.Касьяновой, это «продукт длительного взаимодействия между природой и культурой» (Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994, - 131 с.).

Таким образом, **национальный характер** - категория, которая отражает внешнюю, "энергичную" форму целостного проявления ментальности, стереотипы поведения, психологические предрасположенности, эмоционально-волевые реакции и поведенческие склонности народа.

Продемонстрируем некоторые особенности национального характера. Белорусский характер сложился не только под влиянием христианской культуры. В нем сильна протокультура – дохристианский пласт культуры. Именно христианская культура нас делает смиренными, кроткими, мягкими, терпимыми друг к другу. По природе мы не таковы. Противоречие природного и социального в человеке рождает противоречивость характера, его антиномичность, по Н.Бердяеву. Кроме того, антиномично восприятие одного и того же характера разными народами. Так, по И.Гердеру, немцы – мужественны, благородны, добродетельны, стыдливы, честны, правдивы, а их недостатки – слишком осторожны, медлительны. Славяне, согласно данному автору, - веселы, музыкальны, гостеприимны и т.д. И.Кант писал о немцах: «Когда душа немца пробуждается с наступлением момента интеллектуальной ясности, она оказывается одна во Вселенной». Индивид оказывается как бы заключённым в себе самом, без непосредственного контакта с какой-либо другой вещью. Это первичное впечатление метафизической уединённости решает дальнейшее развитие немца. Для него, как очевидно, существует только его собственное «я». «Вокруг этого «я» он ощущает общий глухой голос космоса, как ощущается шум моря, бьющего о скалы острова» (Ортега-и Гассет, 1993, с.229).

Есть наблюдения о речевом поведении разных народов, об использовании ими паралингвистических средств: «Он бойко болтает, как француз, деловит в движениях, как англичанин, жестикулирует, как

итальянец, или пользуется всеми тремя способами, как немец» (Лихтенберг, 1965, с.138).

У русских – иное представление о немцах, что можно продемонстрировать на примере рассказа Н.Лескова «Железная воля» (1876), в котором противопоставлены две ментальности – немцев и русских. У русских - «ум сердца», у немцев - «ум ума», расчет. Для русских характерны собранность, смирение, слабоволие. Что значит слабоволие? У немцев железная воля, они держат слово. Это выглядит гордыней, эгоцентризмом в противовес смирению русского человека перед всем.

У поляков, по Вяч. Иванову, в характере преобладает лирическое воодушевление, мистический субъективизм: «Поляки – самые опрометчивые и самые вещице из славян». Польский характер – это прежде личная свобода и независимость, собственное достоинство, государство для личности, патриотизм. В сравнении с ними русским присущ мистический реализм и духовная трезвость, поляки же значительно романтичнее. *Русак не дурак: поест захочет – скажет, присест захочет – сядет. Лях и умирает, а ногами дергает.* Несмотря на различия в характере у поляков растет рейтинг симпатий к русским – с 17% в 90-е годы до 28% в 2003 г. Им нравится в русских их гостеприимность и сердечность, не нравятся – лень, пьянство, невоспитанность, покорность властям.

Типический характер народа по-разному проявляет себя в социальной, культурной и прочих областях. Так, есть многочисленные наблюдения за характером и поведением англичан: Генри Стил Коммаджер. Британия глазами американцев. 1974; Дж.Горер. Исследуя английский характер. 1955; Английский характер. 1975; М.Шагинян. Зарубежные письма. М., 1971 и др. Названные авторы отмечают стабильность и постоянство характера англичан, т.е. их консервативность, поэтому они редко бывают загадочны и непредсказуемы. В целом они имеют уживчивый, уравновешенный характер. В быту избегают столкновений, проявляют взаимную предупредительность, сдержанность и терпимость, способны сохранять самообладание в споре.

Некоторая туманность речи, небольшая ее дефектность – признак принадлежности к высшему классу. На взгляд лондонских снобов, абсолютно правильная речь неаристократична: человека могут принять за актера, диктора или иностранца.

Цель в поведении не в том, чтобы выделиться, а в том, чтобы уподобиться: переступив впервые порог заведения, англичанин стремится сориентироваться на те правила, которые здесь существуют. Сложившиеся правила общения не допускают, чтобы человек выражал свои чувства прямо. Отсюда – их развитая чуткость к намекам, недомолвкам. Поэтому часто иностранцу беседа двух англичан кажется тривиальной, а на самом деле – это своеобразная игра подтекстами, которую иностранец не улавливает.

Англичане говорят тихим, приглушенным, как бы усталым голосом, словно каждый из них в одиночестве выражает свои мысли. Терпимость англичан – это не оправдание действий другого, а невмешательство в чужую

частную жизнь. Современные психологи считают, что для английского характера свойственна слабая эмоциональность, отсюда меньший интерес к субъективному, «нервному» искусству, больший – к пластическим искусствам, к аналитической литературе, к спокойной музыке; любовь к конкретному, к спорту.

Ядро французского характера - интерес к аналитическим и эмпирическим знаниям; искусство строгое и логичное, предпочтение в нем отдается жанру очерка, эссе или жанрам, близким к журналистике; в мышлении и строении фразы отделяется главное от деталей; преобладание анализа; преобладание идей над образами. Мышление поверхностное, но отличается быстротой. Нет ни богатств в оттенках чувств, ни теоретической систематизации.

Есть мнения ученых и путешественников о других национальных характерах. Так, японцы, по наблюдению русских, проживших долгое время в их среде (Агапов 1974; Овчинников 1987 и др.) основой своего поведения сделали *стыд* как важнейшую добродетель, регулирующую поведение японца (ср. у русских *совесть*). У них есть выражение *цивилизация сосновой иглы*, что означает умение любоваться сосновой хвоинкой, вместо целого хвойного леса. Выражение *о вкусах не спорят* японцы используют не в значении «у каждого человека свой вкус», как русские, а по-иному: хороший вкус – неписанный закон, о котором не спорят. О неразберихе японец скажет - *ни старшего, ни младшего*, ибо это народ, свято соблюдающий субординацию (в том числе и возрастную). Японцы всячески избегают употреблять "нет", поэтому часто говорят обиняками. Отказываясь от второй чашки чаю, японец не говорит "нет", а "мне и так уже прекрасно". Язык более ритуален, вежливость ценится больше доходчивости.

Англичанин Э.Скидмор пишет о противоречиях японского характера: они одновременно и самые чуткие, живые, артистичные и в то же время самые тупые, невозмутимые, примитивные; самые рассудочные, глубокие, совестливые и самые непрактичные, поверхностные, безразличные; самые сдержанные, молчаливые, чопорные и самые эксцентричные, болтливые, игривые (Цит. по: Овчинников, с.98).

Подтвердить либо опровергнуть данные наблюдения можно только с помощью тщательного анализа языковых фактов, в которых обязательно закрепляется наиболее важное для нации.

Без опоры на национальный характер и национальный менталитет невозможно саморазвитие общества. Механизмы развития, организации общества, лишенные национальных корней, национально ориентированного управления и национально ориентированных граждан, не могут противостоять социальной энтропии. Мировой опыт показывает, что при наличии любых интеграционных процессов, народы весьма ревностно относятся к защите национального суверенитета, своей самобытной культуры и национальных ценностей.

Национальный характер корректирует преобразования в обществе в сторону реализации возможностей, заложенных в самом этом характере, т.е.

он обладает фильтрующей и защитной функцией, а не только функцией регуляции, идентификации в обществе. Поэтому характер, рассматриваемый системно, представляет собой своеобразную интеграцию впечатлений, полученных от социальной среды и ответных реакций, представленных поступками. Динамика же характера зависит от динамики внешней действительности, проявление тех или иных черт обусловлено не только опытом, но и требованиями, предъявляемыми человеку в данный момент, ситуацией, в которой он находится. Так, иногда отсутствие действий в некоторой ситуации также является фактом поведения, поступком и выявляет характер человека. Ярчайшим примером тому может быть поведение Христа в ситуации, когда к нему привели блудницу. Он просто сидел и что-то рисовал на песке. Но можно ли это считать бездействием? Поэтому характер нужно рассматривать всесторонне, анализировать поведение в различных ситуациях жизни, в развитии, в зависимости от сложившихся условий жизни и воспитания в конкретном обществе.

Национальный характер складывается исторически как фиксация типичных черт, которые присутствуют в разной степени и в разных сочетаниях у значительного числа представителей данной нации. Следовательно, уникальны не сами черты, а их структура и специфика проявления. Например, трудолюбие присуще многим народам, но именно у русских авралы чередуются со спадами трудовой деятельности. Те, кто считает русских ленивыми, неправы: у них свое отношение к труду: с одной стороны, *Работа не волк – в лес не убежит*, а с другой – обществом негативно оценивается лень: фразеологизм *работать спустя рукава* содержит отрицательную оценку «это плохо».

Одним из важных современных направлений характера являются лингвистические исследования. В последние два десятилетия ряд работ лингвистов связан с исследованием национального характера. Началось это с 80-х годов прошлого века, когда актуальными стали проблемы диалога и взаимопонимания культур, т.е. межкультурная коммуникация, исходными понятиями которой являются не только «культура» и «речевая коммуникация», но и «языковая личность», «национальный характер» и др.

На рубеже веков появились работы Н.Д.Арутюновой, Ю.Д.Апресяна, А.И.Геляевой, М.П.Одинцовой, В.В.Колесова, И.Коженовской-Берчинской (2001) и др., были созданы словари, например, "Человек. Характер и поведение" (М., 2003) и др.

Один из величайших лингвистов второй половины XX века А. Вежбицкая показала, какую богатейшую информацию об этнопсихологии несет в себе семантика языковых знаков. И действительно, в самом слове, в его семантике заложено миропонимание целого народа. Так, *предрассудок* – это то, что предшествует рассудку, а *характер* – это *нрав*; у древних славян данное слово заключало в себе определенные этические установки и считалось отрицательным свойством личности, ср.: *норов*.

По мнению А. Вежбицкой, язык свидетельствует о таких признаках

русского характера, как эмоциональность, иррациональность, фатализм, любовь к морали (Вежбицкая, 1996, С. 35–36). Причем свойства национального характера она предлагает выводить из национально-специфического в данном языке. Именно русский человек мог произнести следующую фразу: «Если кто-то рассуждает логично, то тем самым демонстрирует только то, что находится в здравом уме, а не то, что он прав» (эта фраза принадлежит великому физиологу И.П. Павлову).

А.Вежбицкая утверждает, что небольшое количество эмоциональных глаголов в английском языке - это не случайность, а отражение такой черты национального характера, как некоторая холодность и неспособность полностью отдаваться чувствам, поэтому на излишнюю, с их точки зрения, эмоциональность русских они смотрят с подозрением и смущением (Вежбицкая, 1997, с.41).

Итак, язык демонстрирует нам повышенную эмоциональность русских по отношению к миру людей и вещей. Именно иностранцы отмечают это. Так, известен пример А.Вежбицкой: живя в одной из московских семей, она случайно обратила внимание на записку мальчика своей бабушке, в которой было множество восклицательных знаков. Доказательством эмоциональности русских может служить также обилие прозвищ-кличек. Даже Путин имеет клички: *Пути, Пут* (так его называет президент США), *Туалетный Путенок, Суслик* и др. Русские же, напротив, подавление эмоций считают чем-то противоестественным, лицемерным. Согласно проведенным в Гарварде исследованиям, русские являются людьми «экспрессивными и эмоционально живыми», их отличает «общая экспансивность», «легкость в выражении чувств», «импульсивность» (Bauer, 1956, p.141).

К настоящему времени накоплена обширная литература, посвящённая анализу типичных черт национального характера и обусловленных ими стереотипов поведения различных народов. Например, в национальном характере белорусов исследователи чаще всего отмечают такие черты, как трудолюбие и выносливость, рассудительность и неторопливость, мягкость характера и добродушие. Вместе с тем для значительной части белорусов характерны пассивность и нерешительность, отсутствие настойчивости и рискованности, неразговорчивость. А в отношении политики, белорусы, как правило, отличаются послушностью и даже покорностью представителям власти, что выработалось в результате стремления к мирным отношениям с другими народами (Рогалев, 1994). Но это белорусы глазами белорусов. Представители других национальностей видят их по-другому.

Итак, понятия *национальный характер* и *языковая личность* не тождественны. Ю.Н.Караулов пишет: «Для языковой личности нельзя провести прямой параллели с национальным характером, но глубинная аналогия между ними существует» (Караулов, 1981, с.42). Познание характера человека является своего рода ключом к познанию его личности, хотя личность не исчерпывается характером. Для выявления и

дифференциации характера чрезвычайно важно, каково отношение языковой личности к самому себе и другим людям, каково его поведение и каких поступков от него можно ожидать в той или иной ситуации. Для характера личности важно не только то, что он делает, но и то, как он это делает, либо не делает вообще.

Состав характера также определяют такие психические процессы, как ощущение, восприятие, память, представление, воображение, мышление, внимание, воля. Основное отличие психических процессов от свойств личности заключается в том, что они протекают во времени в виде отдельных актов, имеющих начало и конец. В то же время свойства личности не протекают во времени, а проявляются как разнообразные свойства психических процессов в процессе жизнедеятельности. При этом особенности психических процессов, их протекание, устойчивость, превалирование определяются свойствами личности. Наряду с характером, свойства личности включают в себя потребности, которые делятся на физические, материальные и духовные.

Культура, к которой мы принадлежим, воспринимается как через язык, так и через различные невербальные процессы – эмоциональные реакции и оценки, которые формируются ценностной ориентацией социума и сами, в свою очередь, формируют уникальный для каждой культуры этос.

Как же исследовать национальный характер? Прежде всего – через язык. Человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, эмоции и интеллект, поступки и характер. Не случайно величайший мыслитель XX века М.Хайдеггер сказал, что сущность человека покоится в его языке. Профессор МГУ О.А.Корнилов утверждает, что именно в языковой картине мира «...запечатлен национальный способ видения мира, формирующий и предопределяющий национальный характер» (Корнилов, 2003, с.80).

И действительно, любой язык располагает комплексами лексико-семантических, грамматических, прагматических средств для построения суждений о каждой из сторон человека. Например, по данным словаря, количество черт характера, которые зафиксированы человеческим опытом и нашли отражение в слове, огромно – около 5000 единиц (см. словарь “Человек...”, 2003). Отсюда следует, что изучение человека и его характера сквозь призму языка чрезвычайно актуально.

С учетом сказанного, посмотрим, как эти черты отображены в языке и текстах малых жанров – пословиц, поговорок, анекдотов и т.д.

4. Национальный характер сквозь призму языка

*Сущность человека покоится
в языке (М.Хайдеггер)*

Язык является одним из важнейших средств идентификации человека, кроме того, он важнейший атрибут человека. Одновременно человек является центральной фигурой в той картине мира, которую рисует язык.

Как показали исследования последних десятилетий, семантическая система языка основывается на принципе антропоцентризма: чтобы описать размер, форму, температуру, положение в пространстве, функцию и другие свойства предметов, язык в качестве точки отсчета использует человека. В зависимости от обстоятельств человек в языке фигурирует как субъект речи (говорящий), субъект сознания, восприятия, воли, эмоций и т.д. и даже просто как физическое тело, имеющее определенное строение (лицо, голову, ноги и т.д.) и занимающее определенное положение в пространстве. Таким образом, человек говорящий является важнейшим для категорий дейксиса, времени и модальности. Поэтому язык не мог возникнуть в повседневной жизни из простого желания «что-то сказать друг другу». Скорее всего, язык – продукт одухотворяющего ритуала, для которого характерно экстатическое перенапряжение всех человеческих сил. Сакральная гипотеза возникновения языка кажется нам наиболее приемлемой на сегодняшний день.

Известно, что не только человек с его культурой влияют на язык, но язык формирует человека. Не случайно И.С. Тургенев сказал: «Странное дело! Этих четырех качеств – чести, простоты, свободы и силы нет в народе, а в языке они есть. Значит, будут и в народе». Часто язык навязывает языковой личности представление о мире и самом себе. Так, поэт С.Соловьев пишет о языке:

Не ты владеешь им, а он тобой.

И путь не твой, и взгляд не твой, и жест

не твой, а заданный уже. Ты есть язык,

нашептанный тебе из-за кулис (Соловьев С. Пир. Николаев-

Симферополь, 1993).

Хотя язык и порождается жизнью, в своем функционировании он отрывается от нее, ибо слова наполняются иным смыслом, и сам начинает ее творить, так следует понимать высказывание поэта, который всегда видит и чувствует мир тоньше и глубже обычного носителя языка.

Язык – система знаков, которые, взаимодействуя, сплетаются в единую систему, как бы сеть, покрывающую мир. В современной философии «единственной реальностью, представленной в языке, является сама реальность языка, реализующего себя во множащихся текстах» (Можейко, 1999, с.43). Но язык способен формировать и ложные представления о бытии. Когда мы говорим *Человек стоит под дверью*, то на самом деле он стоит *за дверью*, ибо в щель под дверью он не может поместиться.

Любой язык располагает комплексами лексико-семантических, грамматических, прагматических средств для построения суждений о каждой из сторон человека, в том числе о его характере. В статье «Образ человека по данным языка» Ю.Д.Апресян на основании анализа обширного круга русской лексики, описывающей действия и состояния человека, предлагает

свой образ человека. Человек здесь определенным образом реагирует на внешние и внутренние воздействия. Каждым видом деятельности, типом состояния или реакции ведаёт своя система, которая локализуется в определенном органе. Иногда один и тот же орган обслуживает две системы (например, в *душе* локализуются не только эмоции, но и некоторые желания - *душа просит*). Почти всем системам соответствует свой семантический примитив (т.е. элементарная, неразложимая единица семантического метаязыка, из которых строятся толкования). Таких систем в человеке восемь.

1) Физическое восприятие (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание) – то, что обозначается словом *чувства* в одном из его значений. Оно локализуется в органах восприятия (*глаза, уши, нос, язык, кожа*). Семантический примитив – 'воспринимать'.

2) Физиологические состояния (голод, жажда, желание = 'плотское влечение', большая и малая нужда, боль и т.п.). Они локализуются в разных частях тела. Семантический примитив – 'ощущать'.

3) Физиологические реакции на разного рода внешние и внутренние воздействия (холод, мурашки, бледность, жар, пот, сердцебиение и т.п.). Реагируют различные части тела (*лицо, сердце, горло*) или *тело* в целом.

4) Физические действия и деятельность (работать, отдыхать, идти, стоять, лежать, бросать, рисовать, рубить, резать, ломать и т.д.). Они выполняются определенными частями тела (*руками, ногами*) или телом.

5) Желания (хотеть, желать, жаждать, стремиться, предпочитать, подмывать, не терпеться, воздерживаться, искушать, соблазнять и т.п.). Простейшие из них, связанные с удовлетворением физиологических потребностей, локализуются в теле, «культуренные» желания, связанные с удовлетворением идеальных потребностей, – в *душе* (*В душе ей хотелось необыкновенной любви*). Последние, составляющие большинство, реализуются с помощью воли, деятельность которой корректируется совестью. Семантический примитив – 'хотеть'.

6) Интеллектуальная деятельность и ментальные состояния (*вообразать, представлять, считать, полагать, понимать, осознавать; интуиция, озарение; дойти <до кого-то>, осенить; знать, верить, догадываться, подозревать, помнить, запоминать, забывать* и т.д.). Интеллектуальная деятельность локализуется в сознании (*уме, голове*) и выполняется ими же. Семантические примитивы – 'знать' и 'считать'.

7) Эмоции (*бояться, радоваться, сердиться, восхищаться, сожалеть, ревновать, обижаться* и т.д.). Эмоции делятся на низшие, общие для человека и животного (*страх, ярость, удовольствие*), и высшие, свойственные только человеку (*надежда, стыд, восхищение, чувство вины*). Эмоции локализуются в *душе, сердце и груди* (есть культуры, к которых – в печени и др. органах). Семантический примитив – 'чувствовать'.

8) Речь (*говорить, сообщать, обещать, просить, требовать, приказывать, советовать, объявлять, хвалить* и т.п.). Семантический примитив – 'говорить'.

Каждая система имеет определенную внутреннюю организацию; с другой стороны, системы взаимодействуют и образуют определенную иерархию.

В нашей работе (Маслова, 2007) представлен несколько иной образ человека по данным языка, т.е. из одного и того же языкового материала возможно выявить разные представления о человеке. Одним из самых интересных, с нашей точки зрения, является следующее. Человек существует в виде трех ипостасей – тела, души и духа. Естественные науки познают жизнь тела, т.е. материальный уровень бытия. Уровень жизни души постигается с помощью языка, искусства, т.е. языковыми, эстетическими, этическими средствами (и лишь отчасти рациональными). Уровень духовный доступен лишь познанию верой: «Верую познаем, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое», - писал апостол Павел (Евр. 11, 3).

Как же исследуется лингвистами и лингвокультурологами национальный характер, существование которого у каждого народа на бытовом уровне не вызывает сомнений?

Одной из самых серьезных на сегодняшний день является работа С.Г. Тер-Минасовой, согласно которой источником стереотипных представлений о национальном характере являются: а) международные анекдоты; б) классическая художественная литература; в) фольклор (Тер-Минасова, 2000). Однако, как мы убеждены, все перечисленные источники противоречат друг другу и потому не дают реального представления о национальном характере. Так, в анекдотах представители разных национальностей наделяются самыми разными чертами: евреи – то хитрые и жадные, то находчивые и умные; англичане то холодны, немногословны и консервативны, то хранители традиций; немцы то излишне практичны, трудолюбивы, дисциплинированы, то жестоки и простоваты.

Но это представители разных национальностей глазами русских. А в других и в их родных культурах могут быть совершенно иные представления об этих же чертах характера.

Еще один источник исследования национального характера, по С.Г. Тер-Минасовой, - художественная литература. Здесь следует подчеркнуть, что если взять национальных литературных героев, то поражает их контраст со стереотипными персонажами анекдотов. Так, легкомысленные в анекдотах французы в литературе представлены драматическими героями Стендаля, Бальзака, Гюго, решающими сложнейшие общечеловеческие проблемы. Практичные немцы дали миру тончайшую лирическую поэзию Гете. Правда, определенные стереотипы восприятия национальных характеров встречаются и в литературе. В оценке русскими представителями других наций важное слово принадлежит поэтам и писателям, которые часто более наблюдательны, чем ученые. Так, А.Полежаев в стихотворении «Четыре нации» (1827) сказал о французах:

*Он царь и раб,
Могущ и слаб,*

*Самолюбив,
Нетерпелив,
Он быстр, как взор,
И пуст, как вздор.*

Краткие формы делают стих динамичным, быстрым, как сам француз, т.е. язык своими формами как бы дорисовывает характер, усиливает его важные черты.

Думается, что при определении ведущих черт характера нужно использовать различные источники, один из которых – мнения других народов, с которыми соприкасается данный. Так, в воспоминаниях одного немецкого генерала, воевавшего против нас в Отечественной войне, сказано: «Русские – странный, незавершенный народ! С одной стороны, безусловно, героический. С другой – совершенно не думающий. И продвинутый, и одновременно отсталый».

Продолжая сказанное ранее, еще раз подчеркнем весьма непростую связь народа с его литературой. Так, достаточно прагматичные украинцы породили трогательную поэзию Шевченко, читая которую до сих пор обливаешься слезами, например, поэмы «Наймичка», «Слепая» (1842) и др.: *Кого, рыдая, призову я / Делить тоску, печаль мою? / В чужом краю кому, тоскую, / Родную песню пропою?*

Но и внутри каждой из литератур существует значительный разброс характеров: по Ф. Достоевскому, например, русским присуща всемирная отзывчивость и поиски всечеловеческой правды, всечеловеческого примирения, а по Зоценко, русский мужик – придурок и пьяница. Н.В.Гоголь утверждал, что русский человек не способен к рефлексии, волевому усилию и самоусовершенствованию: «Иной раз, право, мне кажется, что русский человек – какой-то пропащий человек. Ни силы воли, ни отваги на постоянство. Хочешь все сделать – и ничего не можешь. Все думаешь – с завтрашнего дня начнешь новую жизнь...» (Гоголь, Собр. Соч. Т.5. С.302). В противовес ему А.Солженицын считает, что традиционный русский характер – это открытость, прямота, естественность, повышенная простота, уступчивость, доверчивая примиримость с судьбой, терпеливость, выносливость отсутствие сильного желания внешнего успеха, готовность к самоунижению, самобичеванию и покаянию, смирение, покорность в героических подвигах, сочувствие, великодушие, самоограничения в желаниях.

Русский характер действительно противоречив, и дело автора, какую из его сторон выбрать и образно представить читателю. Так, русский писатель В.Рыбаков утверждает: «Высокодуховны, бескорыстны и храбры ли русские? Конечно! А ленивы ли они? Да, разумеется. В сознании русского человека правда – выше закона, а закон признается только тогда, когда он соответствует правде, т.е. справедлив».

Россия – страна великих контрастов, “нигде нет таких противоположностей высоты и низости, ослепительного света и первобытной

тмы" (Н.Бердяев, 2004, с.107). Обратной стороной русского смирения является русское самомнение (Бердяев, 2004, с.22). В разных ситуациях необходимых для проявления характера, он являет себя по-разному. Где грань между верностью и подобострастием, мужественностью и жестокостью, щедростью и расточительностью?

Противоречивость русского характера нашла блестящее выражение у А.К.Толстого, в 1854 г написавшего стихотворение, ставшее песней: более 10 композиторов писали к нему музыку:

*Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж слеча!*

*Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!*

Итак, национальный характер – сложнейший сплав качеств, в нем недостатки есть лишь продолжения достоинств и наоборот, что и нашло отражение в национальной литературе. В рассказе Лескова «Чертогон» есть замечательный характер - купец. Он гуляет ночь напролет, поит гулящих девок и лошадей шампанским, творит неизвестно что, зная, что в шесть утра поедет в церковь бить Богу поклоны, замаливать грехи. Русскому человеку нужен прощающий Бог. «Я еще немного погрешу, а потом пойду замолю грехи». Такова психология нации. В русской литературе часто описывалась ситуация, которую дал Н. Бердяев: "Русский человек будет грабить и наживаться нечистыми путями, но при этом он никогда не будет почитать материальные богатства высшей ценностью" (Бердяев, 2004, с.113). Он будет ездить в пустыни к старцам, оставаясь хищником и кровопийцей. Но это не лицемерие: "Это – веками воспитанный дуализм, вошедший в плоть и кровь, особый душевный уклад, особый путь" (Бердяев, 2004, с.114).

Современный философ и литературовед Игорь Клех пишет: «Дикарская страстность русских людей, их склонность к спонтанности, отрыву и улёту, легкость переходов от одной крайности к другой – одна из определяющих черт нашего исторического характера и бытия» (Клех, 2008, с. 149).

Кроме того, с каждым новым витком истории, меняется литературный национальный герой: в русской литературе XIX века (время крепостного и права и жестокого угнетения) видим описание неспешной жизни помещиков с их обильными обедами. В литературе XXI-го века национальный герой многолик: чаще это бандит, вор-олигарх, интердевочка и т.д.

Следовательно, прямые выводы о свойствах характера народа на этом основании делать не следует, ибо литература живет противоречиями жизни – а не ее нормальными явлениями. Плохо помогает в решении этой задачи и

анализ фольклорных произведений, в которых, независимо от национальности, герой – богатырь, который успешно побеждает зло, борясь за свой народ.

Динамика характера формируется под влиянием динамики внешней действительности, проявление тех или иных черт зависит не только от опыта, но и от требований, предъявляемых человеку в данный момент, от ситуации, в которой он находится. Поэтому характер нужно рассматривать всесторонне, анализировать поведение в различных ситуациях жизни, в развитии, в зависимости от сложившихся условий жизни и воспитания, традиций и обычаев конкретного народа, не забывая при этом о противоречивости национального характера. Славянская душа, по Вяч. Иванову, - культурная энергия дионисийского характера. Она страдальница, жертва, как Дионис, ей присуща женственность, отзывчивость, связь с землей. Если это так, то откуда же русская жестокость, страшная, не осмысливаемая, животная: битье розгами, кнутом исконно существовало у русских. Татары кнут подарили? – задает риторический вопрос Ф.Достоевский. У Н. Некрасова есть слова о том, как мужик хлестал лошадь "по кротким глазам".

Итак, **национальный характер – сложнейший сплав качеств, в котором недостатки есть лишь продолжения достоинств и наоборот.** Он не может быть глубоко и всестороннее исследован только по тем источникам, на которые указывает уважаемый профессор С.Тер-Минасова, ибо, во-первых, один из них противоречит другому, а во-вторых, есть противоречия и внутри каждого из них. Привести их в систему и интерпретировать ее довольно сложно. Поэтому ни философия, ни психология не способна объяснить, почему “самый безгосударственный народ создал самую огромную и могущественную государственность, почему самый анархический народ так покорен бюрократии, почему свободный духом народ как будто бы не хочет свободной жизни?” (Бердяев, 2004, с.19).

Думается, что самым надежным и научно приемлемым свидетельством существования национального характера является национальный язык. Он не только отображает, но и формирует характер своего носителя. Как справедливо заметил М. Хайдеггер, *сущность человека покоится в языке.* Язык является базовым кодом и основой семиотической системы всякой культуры, отсюда вывод, что он не средство описания культуры, а, прежде всего, ядро, ступень самой культуры. Более того, он есть генетическая память культуры.

Язык вне культуры – это искусственный язык. Культура вне языка – это лишь некоторые виды искусств, например, музыка, но здесь имеется в виду язык в узком смысле слова, а не в плане семиотики, где каждый вид искусства имеет свой язык. Язык преобразует толпу в этнос, нацию.

Из единиц языка наибольшей объяснительной силой обладает лексическая, фразеологическая и синтаксическая семантика.

Фразеологизмы, например, имеют высокую языковую стабильность, они участвуют в формировании общезначимого смысла, в трансляции будущим поколениям обыденных знаний и культуры. Устойчивость и воспроизводимость фразеологизмов согласуется с устойчивостью и воспроизводимостью соответствующих культурных практик, ритуалов, обычаев. Например, *выносить сор из избы*. Согласно «Большому фразеологическому словарю», вышедшему под редакцией и при участии крупнейшего отечественного фразеолога В.Н.Телия, образное основание данной ФЕ прозрачно, но в целом ее значение противоречит здравому смыслу: почему выносить сор из избы – это плохо. Дело в том, что здесь скрыты культурные смыслы, культурные символы – вынося сор из избы (особенно вечером), мы ослабляем «свое» пространство (ср.: до сих пор сохранившийся в народе запрет – не выносить мусор из квартиры вечером).

Часто у лексических единиц в конкретном языке возникают самые различные коннотации. Слово "континентальный" у англичан эмоционально и оценочно окрашены: «не такой, как в Англии, хуже, чем дома»: *континентальный завтрак* – плохой завтрак: ни овсянки, ни яичницы с беконом.

Установить определенные черты характера русских помогает не только лексика и фразеология, но и грамматика. Например, в русском языке большое количество безличных и инфинитивных предложений типа: *Его переехало машиной*. В этом языковом явлении отображена такая черта русских, как вера в судьбу, фатализм, пассивно-созерцательное отношение к миру: *Чему быть – того не миновать; Авось кривая вывезет; Утро вечера мудренее*. При этом воля превращается в безволие, ибо ничего нельзя изменить с ее помощью. Воля – это способность к действию. Как еще одно подтверждение этому - обилие в русском языке предложений дативного типа, в которых человек предстает пассивным участником перемен, от него не требуется волевых усилий (*Не хотелось Алексею жениться: Хотелось ему Богу помолиться*) (Духовный стих «Алексей Божий человек»). *Выше горло не прыгнешь*. В «Слове к народу» А.Солженицына на 3-х стр. 20 таких предложений: *Как нам обустроить Россию*.

Неконтролируемость ситуации - обилие выражений типа *мне некогда, негде, некуда: Я не могу, потому что нет времени, места, где я бы мог это сделать*.

В России к закону всегда относились и до сих пор относятся без должного уважения. Нельзя объяснять это отсутствием культуры: культура в России есть, глубокая, ей уже тысяча лет. Другое дело, что российская культура не включает в себя законопочитания, как культура протестантская или конфуцианская. К закону у нас отношение эмоциональное (что свойственно и многим другим странам), потому и сила закона весьма относительна. Но раз человек к закону относится легко, то и закон пишется, так, чтобы его не могли выполнить. Либо законы делаются с огромным запасом на будущее, либо так, чтобы любого можно было обвинить в их несоблюдении. Отношение к законам, как законодателей, так и тех, кому они адресованы, в принципе одинаковое. Но есть народы, относящиеся к закону

более жестко. Очень уважают, очень чтят закон евреи. Когда еврейское отношение к закону соединяется с протестантским, как это случилось в Америке, засилье закона становится устрашающим. Доходит до абсурда. Главной фигурой в обществе стал адвокат.

Такая черта русского характера, как любовь к морализаторству присутствует во всей русской литературе, особенно в творчестве Л.Толстого, А. Солженицына и др.

Например, смирение и выносливость, терпение – тоже присущие русским черты характера, о чем свидетельствует большое количество пословиц и поговорок на эту тему: *Поспешишь – людей насмешишь; Скорый поспех – людям на смех; Тише едешь – дальше будешь.* Русские поговорки *из теста вылеплен; ни рыба ни мясо; ни богу свечка, ни черту кочерга, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан* – отражают такие черты русского характера, как слабоволие и покорность.

Русский человек в меру трудолюбив: *Всей работы не переделаешь; Работа не волк, в лес не убежит.* В его характере значительное место занимают безрассудство, любовь к риску: *Риск – благородное дело; Кто не рискует – тот не пьет шампанское; Волков бояться – в лес не ходить.* Любовь к воле: *Кто живет на воле, тот спит боле; Вольному – воля, спасенному – рай.* Коллективизм русских: *Человек без рода - что дерево без приплода.* Чувство дружбы, братства: *Доброе братство - дороже богатства. Один в поле не воин; Одна рука в ладоши не бьет. Двое не один – маху не дадим.*

К настоящему времени накоплена обширная литература, посвящённая анализу типичных черт национального характера и обусловленных ими стереотипов восприятия различных народов. Поэтому часто наши суждения о новом человеке обусловлены имеющимися у нас стереотипными представлениями о национальном характере того народа, к которому он принадлежит: *грузинское гостеприимство, английская холодность* и т.д. Это **этнические стереотипы**, т.е. обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих тот или иной народ. Поведение человека вариативно и многообразно, с одной стороны, и стереотипно, с другой. Это результат действия двух противоположных тенденций в обществе, в культуре – центробежной и центростремительной. Первая тенденция проявляется в разнообразии поведения, росте его вариативности. Вторая тенденция направлена на упорядочение вариантов, на их типизацию, выработку стандартов поведения.

Мы склонны приписывать как своему, так и чужому народу часто даже несуществующие, либо предельно преувеличенные черты. В науке выделяют автостереотипы и гетеростереотипы. *Автостереотипы* – это то, что люди думают о своем народе, *гетеростереотипы* - представления о другом народе. При этом гетеростереотипы более критичны. Так, для американцев русские ассоциируются с четырьмя основными понятиями: водка – мат – тройка – перестройка.

Например, то, что у своего народа считается проявлением расчетливости, у другого народа – проявление жадности. Люди воспринимают этнокультурные стереотипы как образцы, которым надо соответствовать. Стереотипы необходимы нашему сознанию, чтобы ориентироваться в мире. Этнокультурные стереотипы – это представления о качествах своего собственного и чужого народов.

Н.Уфимцева выдвигает гипотезу: “Этнические стереотипы недоступны саморефлексии “наивного” члена того или иного этноса и являются фактами поведения и коллективного “бессознательного”, им невозможно специально обучать” (Уфимцева Н.В. Этнические ритмы и стереотипы культуры // Язык. Сознание. Этнос. Культура: XI Всероссийский симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1994, с.97).

Стереотип – не только негативен, но и позитивен: он удовлетворяет психическую потребность в экономии познавательных усилий, а также поддерживает внутреннюю спаянность сообщества “своих”. Кроме того, он оказывает довольно сильное влияние на людей, стимулируя у них формирование таких черт характера, которые отражены в стереотипе. Знакомство с русскими текстами малых жанров (анекдотами, паремиями, тостами) позволяет выявить ряд устойчивых стереотипов: *грузинское гостеприимство, английская холодность, русский размах, немецкая аккуратность, китайское упорство, американский прагматизм, выцыганить, домогаться как москаль медали, уходить по-английски* (у нас и во Франции) а в США – уходить по-французски – *to take French leave*.

У русских, например, есть такой стереотип - *английская чопорность*. Но для самих англичан - это щепетильность, неприкосновенность частной жизни. Отношение, например, русских к немцам, зафиксированные в языке: *колбасники, фрицы, немчуры. Что русскому здорово, то немцу смерть. У немца на все инструмент есть. Немец хитер: обезьяну выдумал. Немец до всего разумом доходит, а русский глазами*. В.Н.Телия: “большинство пословиц – это прескрипции-стереотипы народного самосознания” (Телия, 1996, с.240).

Эталоны поведения, закрепленные на уровне законов и моральных норм, не всегда соответствуют представлениям в массовом сознании. Так, например, дача взятки должностному лицу является нарушением норм поведения, официально принятым в данном обществе, и даже может повлечь за собой уголовную ответственность, в то же время широко известна пословица «*Не подмажешь – не поедешь*», одобряющая такую черту характера, как предусмотрительность.

Одним из перспективных направлений исследования в лингвокультурологии стала разработка идеи видения языка сквозь призму кодов, которая берет начало в трудах В.Н.Телия, В. Красных, Д. Гудкова, М.Л.Ковшовой и др. лингвистов.

Понятие кода пришло в лингвистику из семиотики, оно основывается на законе соответствия плана содержания плану выражения. Кодом задается

значимость знака, а интерпретатор (пользователь) эту информацию расшифровывает. Правила прочтения задаются культурой: культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора.

Известно, что наше сознание неоднородно. Наряду с логическими структурами в него входят так называемые пра-логические, т.е. архаические структуры. Все аспекты сознания находят отражение в языке, есть в нем и единицы, связанные с архаическими структурами сознания – **коллективными представлениями** (по Л. Леви-Брюлю), являющимися частью коллективного бессознательного. Коллективные представления принадлежат к архаическому типу мышления и отличаются крайней эмоциональной интенсивностью, они не только мыслятся, но и переживаются. Именно через пралогические структуры и передается культурный опыт нации.

Таким образом, под кодом культуры понимается «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» (Красных, с.232). Коды культуры связаны с древнейшими архетипическими и мифологическими представлениями о мире. Они универсальны как феномен, свойственный человеку разумному и культурному. Не только культура, но и язык выступает как совокупность различных кодов.

Выделяют целый ряд кодов культуры, репрезентированных в языке: космогонический (*быть на седьмом небе, небо призывает, белый свет, луч надежды, река забвения*); соматический (*голова колонны, третий глаз*); пространственный (*правое дело, левый заработок*); количественный (*тридцатое царство-государство, в три ручья, в три погибели, семеро по лавкам* (в значении “много детей”), *за семерых* (много), *на семи ветрах* (о находящемся на пересечении дорог),); временной (*на октябрьские, перед Рождеством*), предметный (*звездь программы*); природно-ландшафтный (*лес рук, подошва горы*), архитектурный (*мосты дружбы, храм науки*), гастрономический (*мед, соль земли*), обонятельный (*запах крови, пахнуть войной, дохнуло страхом*), код одежды (*до положения риз, засучив рукава, родиться в рубашке*) и др. Геометрический код: *сделать круглые глаза – удивляться, круглый отличник, круглые сироты, круглые дураки, обвести вокруг пальца, расчеты округляют*.

Все коды используются для характеристики человека, его поведения (*работать засучив рукава*), психического или физического состояния (*смотреть сквозь пальцы, быть на седьмом небе*), характера и т.д. Например, зоологический код, который вырабатывается и функционирует в культуре, широко используется для характеристики человека: о хитром человеке говорят: *Ну и жук!* О сладко и много спящем человеке – *Спит как сурок*; о дюжей и ловкой женщине – *конь-баба*, о плохой матери, отдающей своих детей на воспитание, – *кукушка*, о красивых и стройных женщинах – *лебедушка*, об угрюмом человеке *сыч*, о хорошо поющем – *соловей* и т.д.

Эти коды универсальны как феномен, свойственный человеку разумному и культурному. А сама культура выступает как совокупность

различных кодов. Причем, в разных культурах одним и тем же кодам отдается разное предпочтение. Так, для англичан чрезвычайно важен спортивный код, для русских соматический. Хотя в русских поговорках и фразеологии также встречаются единицы спортивного кода: *акробатическая ловкость* (об очень ловком человеке), *выше головы не прыгнешь* (о невозможности что-то выполнить), *бег на месте* (о деятельности, не приносящей результатов) и др., но их сравнительно немного, и они не описывают всех явлений жизни, как в английском языке, где, например, об активном человеке скажут *Keep the ball rolling* (досл.: продолжать катить мяч), о том, что человек должен быть осмотрительным - *Look before you leap* (досл.: смотри перед тем как прыгнуть), о полосе невезения - *A run of bad luck* (досл.: бег неудачи) и т.д.

Итак, коды культуры образуют систему координат, которая задает эталоны культуры. Их реконструкция по материалам языка поможет воссоздать особенности восприятия и понимания явлений мира и человека – как самого себя, так и других.

Прекрасным источником для изучения национального характера служат СМИ, которые быстрее, чем «большая» литература улавливают все изменения в жизни и языке. Именно здесь подчеркиваются важнейшие национальные черты характера: максимализм русских - *Наш характер отличается импульсивность, крайность: целовать – так королеву, украсть – так миллион* [Человек и закон. 3.2. 09], надежда на чудо, при котором не требуется проявлять особые усилия: *Конечно, любовь к халяве – истинно русская черта* [Доброе утро, Россия. РТР. 15.12.98], вздорность – *Нельзя с нами, русскими, честно и открыто* [М. Жванецкий – на вечере памяти Б. Окуджавы. ОРТ. 13.6.09]. ; отсутствие бытовой культуры - *Справиться с привычками русского человека мусорить и ломать чрезвычайно сложно* [Новости. Афонтово. 30.9.09]; жестокость - *Репрессивная система отражает жестокий менталитет нашего народа. Я всё время прихожу в ужас: какие мы жестокие, какие мы кровавые!* [А. Приставкин. В мире людей. ТВ-6. 6.2.08]. ; глобальная безалаберность, приводящая к неожиданным результатам - *Если к какому-нибудь хорошему делу добавить слова по-русски, всё встанет с ног на голову... В банке кредит дают, только не забудьте – по-русски* [Т. Устинова. Час суда. Ren TV. 09.09.09] и *"не забывайте, что вы купили русский автомобиль; поэтому не удивляйтесь, что обнаружите скрытые дефекты"* [Авто. ТВК, 7.4.98] и т.п.

Нередко в пределах атрибутивного сочетания сталкиваются (в духе "стёба", т.е. ёрничества) прилагательные *русский* и *народный* (последнее некогда было стилистически высоким, а ныне стало иронически окрашенным); например, в анонсах телепередач, вроде: *Русская народная программа "Плейбой"* [ТВ-6. Янв.-февр. 2000] или *Русская народная передача "Городок"* [РТР. 1999-2000] или во времена правления Б. Ельцина *В России появилась новая народная игра – размышления вслух о здоровье президента* [Вести. РТР. 17.1.99]). Также: *Национальная русская*

демократическая забава – накопление компромата на политического противника [Вести. РТР. 26.11.98] и Пеняют на телевидение... Это такая старинная русская забава теперь: если что-то не нравится, разбить зеркало [М. Швыдкой, председатель ВГТРК. Вести. РТР. 24.1.99].

Не менее жестко оценивается в СМИ украинский и чуть лучше белорусский характер: *В минувшую пятницу в Киеве выбирали участника на конкурс «Евровидение-2010». Как и повелось на Украине – со скандалом (МК-Латвия. 14.-20.03.2010).*

Белорусы собственные СМИ наводнили позитивной информацией, что оказывает существенное влияние на образ жизни, мыслей и поступков белорусов: *Белорус строит свои замки, чтобы в них могли жить мечты и идеалы красоты. Он строит свои замки, простой человек из белорусской глубинки, который не согласен жить так, как все (Витьбичи, 22 мая, 2010).*

Хотя насчет русского характера очень сильно всё преувеличено, это неотшлифованный характер [В. Черных. РТР. 22.11.98], о некоторых его чертах заявляется в СМИ совершенно безапелляционно, жестко, не всегда справедливо, т.е. очень по-русски. Так, в преддверии юбилея, комментируя события последних дней Великой Отечественной войны, ведущий говорит: Подвела ... наша изначальная ущербность, наша русская безалаберность [Воскресенье. Останкино. 7.5.95]; ... Русский народ, традиционно готовый винить во всем власти [Романовы. Крушение династии. ОРТ. 15.7.98]; В нашей русской ментальности сидят химеры ужасающие... Неповторимые, загадочные и удручающие глубины русской души... [М. Захаров. Вести. РТР. 4.5.97].

Следовательно, СМИ можно использовать для анализа национального характера только в ограниченном аспекте и в дополнении к другим источникам.

Таким образом, человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, эмоции и интеллект, поступки и характер. Поэтому исследование человека и его характера сквозь призму языка чрезвычайно актуально, а сама лингвистика становится методологической наукой. Сквозь лингвистические проблемы мы можем видеть проблемы общечеловеческого и общенаучного масштаба. А само лингвокультурологическое направление в подходе к анализу характера предполагает радикальную смену культурных ориентиров, культурных кодов.

5. Русский характер в аспекте лингвокультурологии

«Высокодуховны, бескорыстны и храбры ли русские? Конечно! А ленивы ли они? Да, разумеется» (В.Рыбаков).

Одной из актуальных проблем современной лингвокультурологии становится реконструкция образа человека, его характера, культуры, образа жизни по данным языка. Исследовать национальный характер с позиций лингвокультурологи, значит, кроме названных Тер-Минасовой трех источников, учитывать в описании языка культуру, социальный контекст, языковое сознание, которое является отражением языковой ситуации эпохи, языкового менталитета нации или народности и языкового вкуса в понимании В. Костомарова. При этом нужно помнить, что в языковом сознании отражается еще и языковая картина мира – это доминанта каждой языковой личности. Для раскрытия национального характера следует также учитывать поведение языковой личности, в том числе коммуникативное.

Важной характеристикой поведения являются реализуемые языковой личностью стратегии поведения. Коммуникативное поведение человечества также состоит из общих моментов в поведении отдельных личностей. Поведение человека вариативно и многообразно, но оно и типизировано одновременно, потому что подчиняется нормам и стандартам, выработанным в обществе, которые находят отражение в языке и текстах, в том числе художественных; все это может служить прекрасным материалом для исследования национального характера. Так, В. Шекспир, устами одного из своих героев говорит: *Заветным мыслям не давай огласки, несообразным ходу не давай.* Это и есть своеобразная модель речевого поведения представителя английского общества: неоткрытость, неболтливость и т.д. Ср. *русское душа нараспаишу.*

Русские тексты формируют характер русского человека. Например, пресекаются активность личности, любопытство, которое развивает интеллект: *Любопытной Варваре нос оторвали; не суй носа в чужое просо; любопытному на днях оторвали нос в дверях* и т.д.

Мы уже писали, что характер имеет свой основной поведенческий выразитель, выражающееся в поступках. Но бывает и так, что поступки определяются характером: *Человек незлобивый и подаст с любовью; человек вздорный и примет с бранью* (Козьма Прутков).

Поведение может быть стереотипизированным и стандартным в той или иной ситуации. Причем, если стереотипизация распространяется на поведение в любой сфере человеческой деятельности, то социальная норма регулирует лишь общественное поведение людей (например, этикет). Стандартизированное поведение имеет свои варианты: поведение крестьянина, воина, ремесленника; в соответствии с критериями биосоциального членения различают поведение взрослых, детей, молодежи, стариков, мужчин и женщин. С учетом конфессионального поведения можно выделить поведение христианина, мусульманина и т.д., с позиций этнического поведения – поведение русского и немца, англичанина и поляка и т.д. Целые слои имели свои модели как "правильного", так и "неправильного" поведения (ср. сценарий купеческого загула в литературе 19 в.). Ю.М. Лотман писал: "Каждый человек в своем поведении реализует не

одну какую-либо программу действий, а постоянно осуществляет выбор, актуализируя какую-либо одну стратегию из обширного выбора возможностей" (Лотман, 1975, с.27). Все нюансы поведения, если оно значимо для нации в целом, закрепляется в формах языка и текстах малых жанров – пословицах, поговорках, анекдотах и т.д.

Для лингвокультурологического подхода чрезвычайно важно учесть учения философов, в которых нам явлен хотя и противоречивый, но разносторонний и в целом верный взгляд на русский характер, а кроме того, содержатся попытки объяснить те или иные черты характера. Так, Н. О. Лосский в книге «Характер русского народа», впервые изданной в 1957 году, приходит к выводу, что основными чертами национального характера русского народа являются религиозность и активные поиски добра, соборность, сопереживание миру и людям, сила воли и страстность натуры – удаль, бунтарство, неумность во всем, игра в удачу ("авось") и т.д. К числу важнейших свойств русского человека он относит также свободолобие, доброту, даровитость, мессионализм, нигилизм, максимализм (Лосский, 1991, с. 240).

Много изучал русский характер и писал об этом Н. Бердяев (Н.Бердяев, 2004, с.113): русский человек будет истово молиться, оставаясь хищником и кровопийцей.

Н.Бердяев считает, что в русской истории не было мужественного начала - рыцарства, и с этим связано недостаточное развитие личного начала в русском характере: "Русский народ всегда любил жить в тепле коллектива, в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери. Рыцарство куёт чувство личного достоинства и чести, создает закал личности" (Бердяев, 2004, с.17).

Русская душа подавлена необъятными русскими просторами, "ушиблена пространством", по точному замечанию Н.Бердяева, формы русского государства делали русского человека бесформенным: "Гений форм – не русский гений... русские совсем почти не знают радости формы" (Бердяев, 2004, с.96). Ширь русской земли загоняла внутрь русскую энергию, отсюда русская лень, русская беспечность, недостаток инициативы, по Н.Бердяеву.

"В русском человеке так мало подтянутости, организованности души, закала личности, он не вытягивается вверх, в складе души его нет ничего готического. Ждет русский человек, что сам Бог организует его душу и устроит его жизнь... Русская душа распластывается перед Богом. Это православный духовный тип, а польская вытягивается вверх. Это католический духовный тип" (Бердяев, 2004, с.230, 231). Польская душа – аристократична и индивидуалистична до болезненности, в ней сильно не только чувство чести, но и дурного гонора: "это наиболее утонченная и изящная в славянстве душа, упоенная своей страдальческой судьбой, патетическая до аффектации" (Бердев, 2004, с.230). По мнению Н. Бердяева, в русской жизни и литературе любовь играет меньшую роль, чем в польской (с.232).

К.Леонтьев говорит, что русский человек может быть святым, но не может быть честным. Честность – западноевропейский идеал. Русский идеал – святость.

Важная черта у русских – смирение: "Смирение было единственной формой дисциплины личности. Лучше смиренно грешить, чем гордо совершенствоваться. Русский человек привык думать, что бесчестность – не великое зло, если при этом он смирен в душе, не гордится, не превозносится" (Бердяев, 2004, с.111).

Н.Бердяева указывал также на вялость и инертность мысли, на нелюбовь к мысли, неверие в мысль: "Русские еще не поднялись до того сознания, что в живой, творческой мысли есть свет, преображающий стихию, пронизывающий тьму" (Бердяев, 2004, с.127). Нелюбовь к идеям переходит в равнодушие к истине. Он ищет правды, а не истины.

Таким образом, согласно Н.Бердяеву, русскую душу сформировала широта географических пространств, поэтому русский человек не связывает себя формой, организацией, правом, порядком. В русском человеке не угас еще первобытный дионисизм, стихийность, поэтому он склонен к буйству духа. Русский человек колеблется между разбоем и аскетической созерцательностью, он склонен к смуте, т.е. войне, беспорядкам.

О типично русских чертах пишут также филологи-мыслители Д.С. Лихачев, Ю.Н. Караулов, Г. Гачев и др.

Один из основоположников лингвокультурологии В.В.Воробьев (Воробьев, 1997) полагает, что доминантными характеристиками русских являются следующие: 1) вера (религиозность, нравственность), надежда; 2) единство (соборное единение); 3) всемирная отзывчивость, всечеловечность; 4) стремление к высшим формам опыта, эстетическое переживание истории и созерцательность; 5) поляризованность души.

Характеристики русских по данным Н.В.Уфимцевой: доброта в ее проявлениях по отношению к другим: доброжелательность, радушие, душевность, отзывчивость, сердечность, милосердие, великодушие, сострадание, сопереживание. Качества характера, отражающие общий стиль поведения – простота, открытость, честность, терпимость. Вообще русских характеризует установка на "других" и слабая фиксация самооценки. Русский трудолюбив, работоспособен, и вынослив, но значительно чаще ленив, халатен, беззаботен и безответственен, русским характерен расчет на "авось" (Уфимцева, 2000).

Итак, большинство философов выделяют два фактора, сделавших русский характер таковым: 1) пространственный, определяемый географическим положением и 2) временной, связанный с историческим временем.

Первый (бескрайность русских пространств) повлек за собой мессианизм, ощущение знания некоей абсолютной истины. Мессианизм русской души вылился в навязывание мировой революции и светлого будущего как собственным согражданам, так и другим странам. И.А.Ильин

пишет об этом: “Не подлежит никакому сомнению, что революция была срывом в духовную пропасть, религиозным оскудением, патриотическим и нравственным помрачением русской народной души” (Ильин, 1993, с.219). И.А.Ильин ищет объяснение тому в глубинах русского национального сознания, народной души. Закономерное продолжение революции – гражданская война, которая не является войной красных с белыми (и те и другие имели одинаково смутные представления о будущем). Это даже не война одной части народа с другой за идею. Это была война народа против самого себя, это бессмысленный всплеск жестокости и разочарования. Народ понял, что в очередной раз сам себя обманул, т.е. проиграли обе стороны.

Следствие мессианизма – утопизм – крайнее выражение стремления к абсолютному и идеальному, выражающееся в попытке построить идеальное общество. Л.П. Карсавин писал: “Русский человек не может существовать без абсолютного идеала...” (Карсавин, 1922, с.77). В конце концов, сформировался особый культурный феномен, который Л.Гумилев назвал **химерой** (Гумилев, 1993).

Русский максимализм – “все или ничего”, вылился в неистовство революционных деяний: *В поцелуе рук ли, губ ли, / в дрожи тела близких мне / красный цвет моих республик / тоже должен пламенеть* (Маяковский). Он влечет за собой хандру, тоску, меланхолию, раздражение, повышенный сарказм и др. качества (Любомирова, 2002).

Соборность – еще одно качество русского характера. Это представления о заведомо большей ценности коллектива, нежели личности. Сложившаяся в XX веке литературная химера заимствовала в извращенном виде черты народной культуры, превратив их в антинародные. Идея соборности была доведена до полного абсурда: это полное подчинение коллективу (трудовому, социалистическому) даже в личном.

Есть высказывания философов о русском человеке советского периода: это «постоянно увлеченный идеалом, человек который чувствует свое «духовное» превосходство, сознает себя «духовнее» других в русском смысле этого слова. Он утопает в глубоком довольстве собой и не стремится к завершению конкретных вещей...» (Мамардашвили, 1992, с.112). На особую духовность русского человека указывает и И.В. Павловский: «...красота как показатель правильности есть непрменный атрибут поэтического характера русского народа. Стремление к высшему совершенству, к Богу, есть родственное упомянутой черте свойство» (Павловский, 2004, с.109). Таким образом, с течением времени и социальной обстановки характер меняется, но не кардинально: в общей конфигурации черт характера на первый план выдвигается то одна, то другая черта, которые были ранее на периферии.

Противоречивость и сложность человеческого характера – одна из самых главных особенностей русского характера, и это было осознано русской литературой XX века. М. Горький писал: “Естественное состояние человека – пестрота. Россияне же – особенно пестры, чем и отличаются существенно

от других наций”. Невозможность рационального объяснения человеческого характера заставила М.Горького обратиться к иррациональному и фантастическому началу (его рассказ “О вреде философии”).

Приведенные мнения позволяют заключить, что автостереотипы русского характера - это безграничная удаль, задушевность, нравственный максимализм (“все или ничего”), общительность, гостеприимство, спонтанность психических реакций, примат сердца над рассудком, склонность к тоске и меланхолии (Обломов), презрение к мелочам, прагматизму, расчетливости. В русском национальном характере также важно следующее: русский человек не очень дорожит гражданскими свободами и правами, зато считает неотъемлемым правом право на богатую жизнь, на сомнения, на страсти, на поиски Бога, короче, на «дивные страдания» (по словам А.Вертинского).

Любопытны наблюдения Вик. Ерофеева, написавшего «Энциклопедию русской души» (1999): «Русский не врос в мир, как немец. Он летит, парит над миром... Не справившись с миром, он говорит о тщете мира...отворачивается от мира, обиженный» (94 с.). «Русский любит испортить другому жизнь, засадить в тюрьму или хотя бы измотать нервы. У русского глубоко в душе запрятано желание убивать» (181 с.). От русского можно ожидать всего – от удивительного радушия до демонстративной недоброжелательности, от преднамеренной подлости до редкого бескорыстия. Россия состоит из кротких людей, способных на все – иронизирует Вик. Ерофеев.

Исследователи отмечают иные черты характера русских: 1) общительность (хотят поговорить на любую тему – примером такой общительности может служить анекдот "Кстати, о птичках..."); 2) быстрее преодолевают формальности (выпить, поговорить «за жизнь»); 3) эмоциональность и искренность общения (долго эмоционально говорят); 4) избирательное слушание (официальных лиц никто никогда не слушает); 5) дискуссионность (любят спорить и наблюдать, как спорят); 6) мрачность, неулыбчивость, ибо улыбка – не сигнал вежливости, они не улыбаются незнакомым. У русских причина для улыбки должна быть явной.

Лучше всего культурно-национальная специфичность может быть показана через концепты. Концепты прагматически ориентированы, именно они являются ядром ЯКМ и запечатлевают в себе культурно-национальный опыт восприятия мира. Их сумма есть концептосфера языка, которая в значительной степени определяет культуру. Культура, по Степанову, - «совокупность концептов и отношений между ними» (Степанов, 1997, с.38).

Концепты выполняют роль каркасов, определяющих общие принципы построения наших представлений о мире. Поскольку культура народа вербализуется в языке, именно он аккумулирует ключевые концепты культуры, транслируя их в знаковом воплощении – словах, высказываниях, текстах. Создаваемая языком модель мира есть субъективный образ объективного мира, она несет в себе черты человеческого способа миропостижения (Сукаленко, 1992). В самих концептах представлен не

только мир, но и сам человек, с его характером, темпераментом, волей, интеллектом.

А. Вежбицкая считает, что особенности русского национального характера прекрасно раскрываются в трех уникальных понятиях русской культуры – *душа*, *судьба* и *тоска*. На самом деле, таких уникальных концептов гораздо больше. Это и стремление к высшей правде, максимализм во всем (*любить – так любить, стрелять – так стрелять...*), и особое отношение к справедливости, которая у русских выше закона (фраза царя к народу из русской сказки *Как будем судить: по закону или по справедливости?* адекватно не переводится на европейские языки). Уникален и русский глагол *хохотать* (есть только в португальском) и т.д.

Наблюдения ученых и писателей показывают, что русский характер неоднозначен, и русский язык содержит в себе этот неоднозначный образ русского человека. Вот перечень черт характера по данным языка, художественной и философской литературы, наблюдений ученых и путешественников. Например, в русском языке большое количество безличных и инфинитивных предложений типа: *Его переехало машиной*. В этом языковом явлении отображена такая черта русских, как вера в судьбу, фатализм, пассивно-созерцательное отношение к миру: *Чему быть – того не миновать; Авось кривая вывезет; Утро вечера мудренее*. При этом воля превращается в безволие, ибо ничего нельзя изменить с ее помощью. Воля – это способность к действию. Как еще одно подтверждение этому - обилие в русском языке предложений пассивного типа, в которых человек предстает пассивным участником перемен, от него не требуется волевых усилий. «*Не хотелось Алексею жениться: Хотелось ему Богу помолиться*» (Духовный стих «Алексей Божий человек»). *Выше головы не прыгнешь*. В «Слове к народу» А.Солженицына на 3-х стр. 20 таких предложений: *Как нам обустроить Россию* и др.

Неконтролируемость ситуации представлена в языке обилием выражений типа *мне некогда, негде, некуда; Я не могу, потому что нет времени, места, где я бы мог это сделать*.

Смирение и выносливость, терпение – тоже присущие русским черты характера, о чем свидетельствует большое количество пословиц и поговорок на эту тему: *Поспешишь – людей насмешишь; Скорый поспех – людям на смех; Тише едешь – дальше будешь*. Русские поговорки: *из теста вылеплен; ни рыба ни мясо; ни богу свечка, ни черту кочерга, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан* – отражают такие черты русского характера, как слабование и покорность.

Русский человек в меру трудолюбив: *Всей работы не переделаешь; Работа не волк, в лес не убежит*. В его характере значительное место занимают безрассудство, любовь к риску: *Риск – благородное дело; Кто не рискует – тот не пьет шампанское; Волков бояться – в лес не ходить*. Любовь к воле: *Кто живет на воле, тот спит боле; Вольному – воля, спасенному – рай*. Коллективизм русских: *Человек без рода – что дерево без приплода*. Высоко ценится русскими чувства дружбы, братства: *Доброе*

братство – дорожке богатства. Один в поле не воин; Одна рука в ладоши не бьет. Двое не один – маху не дадим.

Такая черта русского характера, как любовь к морализаторству присутствует во всей русской литературе, особенно в творчестве Л.Толстого.

Было установлено, что все существующие общества делятся на коллективистские и индивидуалистские, они отличаются системной ценностью и тем, как человек ведет себя в обществе. Исследователи выделяют более десятка отличий в них. Западная и восточнославянская цивилизации дают разные ответы на большинство фундаментальных вопросов: что есть истина, добро, благо, прогресс, свобода, демократия и др. Западноевропейский индивидуалистический гедонизм (получение удовольствия) и эгоизм не вписывается в наши представления о высших ценностях и справедливости. А нашу соборность и склонность к коллективистскому мышлению на западе воспринимают как инфантильность и врожденную привычку жить в рабстве.

Итак, если славянские культуры коллективистские, то западноевропейские (в основном) индивидуалистские. Вот что пишет об этом великий славянский мыслитель и богослов серб Иустин Попович: «Базисный принцип психологии народа в том, что всякий человек несет в себе не только судьбу своей души, но и судьбу всего народа. Каждый отвечает за всех. В теле нашего народа наши души переплетены, как корни в земле, из которых растет единый ствол, единое дерево» (Попович, 2004, с.197).

Еще и поэтому в структуре восточнославянских характеров так много общего.

Таким образом, национальный характер может раскрыть свои тайны, если подойти к его исследованию не только через материал художественной литературы, но через пословицы, поговорки, афоризмы, тосты, через наблюдения над поведением языковых единиц. При этом данные наблюдения должны быть подкреплены экспериментальной проверкой. Лингвокультурный подход к исследованию характера позволяет обнаружить радикальную смену культурных ориентиров, культурных кодов, которые формируют характер. В то время как чисто лингвистический подход этого сделать не позволяет: язык слишком консервативен – нужны годы, чтобы вошли новые явления в лексику и десятилетия – в грамматику.

6. Национальный характер и этикет

*Единицам речевого этикета в большей степени,
чем другим единицам языка и речи,
присущ «социальный символизм»
(Н.И. Формановская)*

Этикет имеет ритуальное происхождение (Байбурин, 1993, с.23). Это этикетный аспект повседневного поведения. Это символические формы

поведения.

Понятия этикета, такта, вежливости нередко становятся важными характеристиками той или иной нации. Так, в популярных иронических сборниках для путешественников «Внимание, иностранцы!» в качестве характерной черты национального характера практически всегда указывается отношение к этикету, который зачастую нарушается, что отнюдь не создает негативный облик нации, скорее наоборот. Напр., «*Никак нельзя сказать, что у русских отсутствуют манеры в западноевропейском смысле этого слова. Манеры у них есть, просто они не совсем такие, как на Западе*». «*Исландцы не стесняются правилами приличия и не обременяют себя формальностями типа обязательного приветствия «Доброе утро! Как дела!»*» «*Французы, особенно парижане, могут быть феноменально грубы – если захотят*». «*Манеры немцев оставляют желать лучшего*». «*Своеобразно толкуя слово «свобода», греки часто путают хорошие манеры и подобострастное поведение, которое они вынуждены были усвоить под турецким игом, чтобы выжить*». «*Поведение голландцев в большей степени диктуется присущей им учтивостью, нежели строгим соблюдением этикета*». «*Итальянцы – очень воспитанные люди, с хорошими манерами. Итальянцы, в отличие от англичан, не слишком часто говорят «извините»: если они не чувствуют за собой вины, то и говорить нечего: покаяние лучше оставить для исповеди*». «*В большинстве своем испанцы уделяют манерам меньше внимания, чем другие нации*». «*Широко распространено мнение, что англичане скорее демонстрируют соблюдение всяческих правил, чем внутренне стремятся так поступать*». «*Датчане уверенно освободили себя от всяких норм этикета и от остатков пресмыкательства перед старшими по чину, хотя во многих странах все это до сих пор считается хорошими манерами*». Не-следование этикетным нормам становится отличительной чертой нации (вместе с тем и общей для многих других), знаком культуры или ее части, что отражается в публицистике в приеме, генерализирующем и/или гиперболизирующем ту или иную черту нации. Напр., *С приближением конкурса «Евровидение» в России все сильно разнервничались, залаjali и начали кусаться (МК-Латвия. 21.-27.03.2007)*.

Этикетными формами считаются приветствие, прощание, поздравления, пожелания и т.д. Все они культурно-специфичны. Так приветствие у японцев следующее: заметив знакомого, японец способен замереть на месте и согнуться низким поклоне даже при переходе улицы. Высшим средством общения становится молчание. У японцев существует пословица: "Молчание красноречивее слов". Действительно, отказ от откровенной беседы привел к обострению интуиции, когда люди начинают понимать друг друга без слов. Аналогичными чертами отличаются и англичане, чего не скажешь о русских, которые предпочитают говорить прямо, без всяких намеков и умолчаний. Ср. небольшое количество косвенных речевых актов в художественной литературе, особенно последних десятилетий.

Вежливость – центральная коммуникативная категория, главная функция которой – обеспечение бесконфликтного общения. Это важнейшая категория коммуникативного сознания, именно она регулирует коммуникативное поведение людей. Знание национальных особенностей этой категории дает ключ к пониманию коммуникативного поведения народа, поэтому ее игнорирование затрудняет общение и порождает многочисленные стереотипы. Так, Дж.Лич пишет об общепринятом представлении о китайцах и японцах как об очень вежливых, по сравнению с европейцами, а о русских и поляках – как о невежливых народах (Leech, 1983, p. 84).

Будучи универсальным по сути, концепт «вежливость» является национально-типичным по своему наполнению, т.к. в нем находят отражение культурные ценности, нормы и традиции своего народа. Универсальное в данном концепте – это проявления уважения к другому человеку. Как показал эксперимент, проведенный Т.В.Лариной и описанный в ее докторской диссертации, у англичан – это хорошие манеры, обходительность, частое употребление слов *спасибо* и *пожалуйста*, т.е. всяческая демонстрация уважения, направленная на объект. В русском языковом сознании быть вежливым означает прежде всего – быть чутким, внимательным, помогать другим (Ларина, 2003). Следовательно, вежливость в русской коммуникации ассоциируется в большей степени с активным, действенным вниманием, у англичан – с демонстративным, этикетным вниманием.

Наше изучение соответствующих статей в ассоциативных словарях позволяет заключить, что в русском языковом сознании и картине мира вежливость – антипод грубости: вежлив тот, кто не ругается матом, не кричит, не перечит старшим, т.е. тот, кто соблюдает правила приличия, правила этикета. В английском сознании вежливость связывается с этикетным вниманием: вежливый тот, кто демонстрирует свое уважение другим. Причем в английской вежливости больше традиции, автоматизма.

Анализ языковых фактов, фразеологизмов, пословиц, ассоциативных словарей показывает, что у категории вежливости этих народов разная направленность: у русских – это этикетное бездействие, у англичан – направленность на других, большая активность. Для русских вежливость – это соблюдение правил поведения, для англичан – демонстрация уважения, внимания к окружающим. Еще одно отличие: вежливость в русской культуре нужно исследовать только вместе с искренностью, ибо русские излишнюю, с их точки зрения вежливость, связывают с проявлением неискренности. Главное в установлении этого концепта – сопоставительный анализ не семантики слов, а содержания именуемых этими словами отношений друг к другу, как они представлены в русской, английской и др. культурах.

В других культурах, в частности в японской, корейской, вежливость столь значима, что в данных языках существует лексико-грамматическая категория вежливости. Их языки более ритуальны, вежливость у них ценится больше доходчивости. Функциональное поле вежливости в русском языке

включает в себя специальные лексические средства, грамматические категории числа, лица, противопоставление ты- и Вы-форм, использование сослагательного наклонения и т.д. В других языках – иные средства репрезентации вежливости.

Таким образом, говорить о том, какой народ вежливее, не представляется корректным, потому что вежливость у разных народов понимается по-разному. В межкультурной коммуникации следует исходить из того, что каждый народ вежлив по-своему. А задачами межкультурной коммуникации становится установление "зон напряжения" при межкультурных контактах, предотвращение коммуникативных неудач, трансляция с языка на язык лингвокультурных концептов, ибо овладение лингвоконцептосферой иной культуры (культуры изучаемого языка) – это завершающий и самый важный этап в овладении иностранным языком.

Одной из форм этикета является прощание. Оно также культурно специфично: русское прощание надрывает душу: *И каждый раз навек прощайтесь, когда уходите на миг.* Вот как с известной долей иронии описывает прощание Войнович в романе “Москва – 2042”- *“Не знаю, как у других, а у нас, у русских, принято прощаться всерьез и надолго. Уходит ли человек на войну, отправляется ли в кругосветное путешествие. Едет ли в соседний город в командировку, или в деревню к родственникам, его провожают долго и обстоятельно”*.

Эти и другие наблюдения дают некоторые основания ответить на вопрос о том, как проникает и закрепляется культура в языке. Во-первых, через энциклопедические знания о свойствах личности, его физическом облике, характере; во-вторых, через национально-культурную коннотацию, через образное содержание; в-третьих, через символы, стереотипы, эталоны, хранящиеся в языке и сознании каждой национальной языковой личности.

7. Абсентизм как важнейшая черта русского национального характера

*«...путешествие питательно для духа
и сердца. Путешествуй, ипохондрик,
чтобы исцелиться от своей ипохондрии!
Путешествуй, мизантроп, чтобы
полюбить человечество!
Путешествуй, кто только может!»*

(Н.М.Карамзин «Письма русского путешественника»)

Абсентизм (от лат. *absens* – "отсутствующий") – страсть к путешествиям или к проживанию вне родной страны. Для многих людей (путешественников, пешеходов) сам факт перемещения в пространстве дает то самое наслаждение, о котором Ф. М. Достоевский писал: «Колумб был счастлив не когда открыл Америку, а когда открывал ее».

Ф. Тютчев также заметил:

*Из края в край, из града в град
Судьба как вихрь, людей метет.
И рад ли ты или не рад,
Что нужды ей? ... Вперед, вперед!*

Справедливости ради нужно сказать, что есть менее и более подвижные нации, чем русские. Белорусы – менее способны к перемещениям, это достаточно оседлая нация, среди них даже сейчас почти нет эмигрантов. А вынужденная эмиграция тяжело переживается ими. Более подвижны – европейцы. Так Г. Гессе писал:

*Пристанищ не искать, не приживаться,
Ступенька за ступенькой, без печали,
Шагать вперед, идти от дали к дали,
Все шире быть, все выше подниматься!*

Культура формирует и организует мысль языковой личности, формирует и языковые категории и концепты, которые выполняют роль каркасов, определяющих общие принципы построения наших знаний о мире.

Рассмотрим это на примере концепта "**странник**". Концепт как компонент картины мира (концептосферы) – это прежде всего знание, а не значение, поэтому анализом значения и этимологии того или иного слова построение концепта должно только начинаться, а не заканчиваться.

Странник, согласно четырехтомному академическому словарю русского языка, - 1) тот, кто странствует; 2) человек, странствующий пешком на богомолье: паломник, пилигрим (т. IV, с.281). С точки зрения здравого смысла русского человека, странничество – необычное поведение, отсюда связь данного слова со «странный». На Руси их называли то скитальцами, то отщепенцами, "лишними" людьми.

С точки зрения православия, **странник** - самый свободный человек на земле: он странствует по земле, а сам находится на небесах, ибо не врос в землю. Он свободен от мирской суеты, все "земное" – в его котомке.

Многие философы, писатели и поэты были странниками в душе. Г. Сковорода – также странник-мудрец из народа. Н. Бердяев писал: "Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей..." (Бердяев, 2004, с.29). Это свойство русского человека он считал онтологически ему присущим: " В самых высших своих проявлениях русская душа – странническая, ищущая града ..." (Бердяев, 2004, с.230).

Как же видят поэты и писатели данное явление?

А. Пушкин писал:

*Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест.
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест).* (Пушкин. "Евг. Онегин").

Странник свободен духом, это вечный путник, ищущий волшебные земли, а иногда бредущий неизвестно куда:

*Скажи мне, странник,
Куда в палящий зной*

Ты пыльною идешь дорогой? (В. Жуковский. «Путешественник и поселянка»).

С точки зрения православия, **странник** - самый свободный человек на земле: он странствует по земле, а сам находится на небесах, ибо не врос в землю (см. второе словарное значение). Он свободен от мирской суеты, все “земное” – в его котомке. Чисто русское представление о жизни как странничестве, отсюда целый жанр путешествия в русской литературе. Литература послепетровской Руси своим символом может считать путешествия. С одной стороны, это научные путешествия с целью исследования нового (П.Паллас «Путешествие по различным городам и провинциям Российского государства», «Путешествия...» И.И. Лепехина, Н.Я. Озерецкого, С.П. Крашенинникова и др.), с другой – светские путевые заметки (Б.И. Куракин «Путевые записки», П.И. Челищев «Путешествие по Северу России» и др.), в которых преобладает описание фактографического материала.

В это же время начинается формирование литературных путешествий, для которых характерна установка на художественный вымысел. В них интерес к экзотическому миру описываемых стран подменяется интересом к субъективному миру путешественника. Это прежде всего «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, и, наконец, «Очарованный странник» Н.С. Лескова. В первых двух мы наблюдаем не просто путешествие по географической карте, а перемещение по карте философских идей и чувств и эмоций. В центре «Очарованного странника» жизнь обычного русского мужика Ивана Флягина, путешествующего по Руси в поисках правды, счастья и спокойствия души. Он побывал и в орловских поместьях, и в Пензе, и в степях Заволжья и т.д., каждое место – очередное открытие жизни, а не просто смена профессии или пристанища. Н.С. Лесков наделяет своего героя огромной физической силой, русской удалью, храбростью, но в то же время добродушием, мягкостью, искренностью. Его необычность в том, что он «очарованный», т.е. живет не столько умом, сколько чарами, чувствами, красотой.

Лирический герой С.Есенина – тоже странник: тянутся через его стихи нищие-милостники, захожие богомольцы, иноки, бродяги, искатели счастья...

Лирический герой Н.Клюева хочет уйти странствовать:

*О мать-отчизна, какими тропами
Бездомному сыну укажешь пойти...*

Странник свободен духом, это вечный путник, ищущий волшебные град. Их на Руси называли то скитальцами, то отщепенцами, "лишними" людьми. Духовные странники это Раскольников и князь Мышкин, Пьер Безухов и Фандорин. О.Мандельштам тоже странник: сочинял на ходу, у него не было рукописей. Говорить, по его убеждению, - находиться в дороге.

Можно обнаружить тесную связь данного концепта с такими, как *юродивый* и *старец* (юродство и старчеством), о сущности которых много писали Н.Бердяев, Ф.Достоевский, Л.Толстой, А.Солженицын.

В тесной связи с данным концептом, пересекаются с ним и частично наполняют его концепты «*путь*» и «*дорога*».

Путь – это поиск святости, религиозного откровения. В повести Л.Н.Толстого «Отец Сергей» уход сначала в монастырь, а потом, не найдя там утешения, в пустынь – рассматривает как единственный и универсальный способ спасения, поиска божественной истины. Такой путь видится автору как бесконечное движение, предела которому не существует.

Путь – следование к достижению цели: *жизненный путь, творческий путь, путь к Богу, истине*; путь связан с целым рядом позитивных явлений: *путное дело, напутствие*, но в культуре он представлен и негативными смыслами – *путь на Голгофу, последний путь, беспутье, беспутный, непутевый, перепутье, распутица, путь Дьявола*. Блуждание без пути – *блуд*. И язык хранит этот смысл: *распутник. Распутица* - путь Дьявола в народном сознании. Путное дело, напутствие = благословение в дорогу. Молитва к Богу: “направь на пути Твоя...”. Символическое значение пути в религиозном контексте – это временная земная жизнь.

Путь ведет к центру пространства, он как бы нейтрализует противопоставление своего и чужого, внутреннего и внешнего, близкого и далекого, дома и леса, сакрального и профанного.

Путь имеет моральные, этические, идейные, конфессиональные коннотации: *путь к коммунизму, жизненный путь, вступить на новый путь, исторический путь страны, путеводительство, поводырь, проводник, Путеводная звезда* в Евангелии. Молитва к Богу: *направь меня на путь истинный...* Путеводительство занимает важное место в русской картине мира, отсюда *поводырь, проводник*.

Путь в русской картине мира – это поиск святости, религиозного откровения. В повести Л.Н.Толстого «Отец Сергей» герой сначала уходит в монастырь, а потом, не найдя там утешения, в Тамбинскую пустынь, и это рассматривает автор как единственный и универсальный способ спасения, поиска божественной истины. Такой путь видится Л.Н.Толстому как бесконечное движение, предела которому не существует.

Русский путь горизонтален: в рай можно дойти, западный путь – вертикален, отсюда их готика. Б.Пастернак в “Докторе Живаго” дает следующее понимание пути: пространственные перемещения ведут к преображению героя.

В хронотопе пути обобщен весь список способов преодоления и обживания пространства: от бытовых форм путешествия, приключенчества, странствия до отшельничества, бегства, изгнания, эмиграции. В мифологеме пути заложен энтузиазм преодоления: "Хождение по мукам" (А. Толстой), И. Шафаревич. Путь из-под глыб. М., 1991. Н.Д. Арутюнова. Загадки судьбы // Знак. Сб. М., 1994.

Назначенный жизненный путь – это судьба. Путь России – ее предназначение, миссия. Новояз: Колхоз "Новый путь", "Путь Ильича", "Путь к коммунизму".

Таким образом, в концепте «путь» обобщен весь список способов преодоления и обживания пространства - от бытовых форм путешествия, приключения, странствия, до отшельничества, бегства, изгнания, эмиграции. В мифологеме *пути*, которая входит в концепт, заложен энтузиазм преодоления – "Хождение по мукам" А.Толстого, «Путь из-под глыб» И.Шафаревича (М., 1991).

Русский путь горизонтален: в рай можно дойти, западный – вертикален, отсюда готика. В романе Б. Пастернака "Доктор Живаго" находим этому подтверждение: пространственные перемещения ведут к преображению героя.

«Дорога» – более функциональна в русской культуре, не случайно широко распространена метафора: дорог может быть много, а путь – один. С одной стороны, дорога может быть конкретной реализацией изображаемого пространства, а с другой - символизировать путь внутреннего развития человека, его судьбу, его внутренний мир. Мотив дороги широко развит в фольклоре: в былинах, сказках, загадках, пословицах она является символом судьбы. В дороге русский человек обретает свободу, независимость, и вся его жизнь - странничество (Лесков "Очарованный странник").

Иногда «путь» и «дорога» в русском языковом сознании выступают как синонимы. Жизнь – путь, пройденный человеком, отсюда – *в начале жизненного пути, перед вами открыты все дороги*, позже человек все чаще находится *на перекрестке судеб* и т.д.

В поэтических текстах концепта высвечивается другими гранями: дорога как неизведанный и манящий путь: сборник "Версты" (М. Цветаева). Тема вечного поиска себя на больших дорогах – "На Красном коне" (М. Цветаева).

Выводы. Таким образом, концепт *странник* многомерен, в нем можно выделить как рациональное, так и эмоциональное, как абстрактное, так и конкретное, как универсальное, так этническое, как общенациональное, так и индивидуально-личностное. Современное и диахроническое значения направляют и структурируют наши знания о мире странничества, дорог и путей, по которым движутся странники. Реконструированные нами концепты сводят разнообразие наблюдаемых и явлений к одной рубрике; дальнейшие исследования позволят очертить более широкий круг концептуального пространства, куда войдут *путешественники, эмигранты, сталкеры, проводники, богомольцы* и т.д., с одной стороны, и *прощание, расставание*, с

другой, которые оказываются строительными элементами концептуальной системы *странничество*. Все они культурно специфичны.

З а к л ю ч е н и е

В монографии развивается мысль В.Гумбольдта о взаимосвязи характера языка и характера народа, его культуры и языка. В каждом языке заложен не только портрет и характеристика внутренних качеств человека, его характера, но и картина национальной культуры народа. На сегодняшний день практически не существует непротиворечивой теории национального характера. Отсюда актуальность данной работы.

А. Вежбицкая, Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов и другие выдающиеся лингвисты конца XX века свойства национального характера предлагают выводить из национально-специфичного в данном языке. Для русского менталитета, по мнению А. Вежбицкой, характерны эмоциональность, иррациональность, склонность к фатализму, любовь к морали, абсолютизации моральных оценок (Язык. Культура. Познание. М., 1996, с.33-37).

Н.Д.Арутюнова утверждает, что принцип разделения на «своих» и «чужих» в отличие от других существующих оппозиций создается не только объективными данными, но и их субъективным отражением в сознании человека, его культурной, а потому должна изучаться с лингвокультурологических позиций. На таком понимании «своих» и основана **русская соборность**, важнейшая черта характера русских.

Эти и другие качества и черты русского характера исследуются в данной монографии с позиции языка (лексической и синтаксической семантики) и текстов малых жанров.

Даже простое упоминание о проблемах характера дает нам больше вопросов, чем ответов. Как отразился сам человек во всем многообразии своих проявлений в языке? Как он использует язык и как язык формирует его характер? Ведь человек есть некое пространство – духовное и физическое. Он властелин мира, творец и преобразователь культуры, судья и пророк, и все это постигается из его языка. А с другой стороны, понять природу языка, его сущность можно лишь исходя из человека, его культуры, общественной сущности, мира. Отсюда – необходимость создания единой теории языка, человека и его культуры. Реконструкция характера по данным языка – шаг в этом направлении.

Литература

- Агапов, Б. Воспоминания о Японии. М., 1974
- Ажеж, К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки. – М., 2003.
- Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – М., 2003.
- Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания. Второе издание. СПб., 2001.
- Антология мирового анекдота. - Киев, 1994.
- Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // ВЯ, 1995, № 1.
- Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. - М., 1995.
- Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. - М.: «Языки русской культуры», 1999.
- Асмолов, А.Г. Психология личности. М., 2001.
- Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993
- Бенвенист, Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бердяев, Н. Судьбы России. М., 2004.
- Богин, Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. – Л., 1984.
- Бороздина, А.В. Психология характера. Исторический очерк. МГУ, 1997.
- Бубер, М. Проблема человека. Киев, 1998.
- Вежбицкая, А. Язык, культура, познание. М., 1996.
- Виноградов, В.В. История слов. М.-Л., 1946.
- Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. - 2001. - № 1. - С. 66.
- Воробьев, В.В. Лингвокультурология. – М., 1997.
- Гумилев, Л. Этносфера: История людей и история природы. М, 1993.
- Делакур, Ж.Б. Большой словарь характеров. Ростов н/Д., 1997.
- Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // ВЯ, 1994, №4, с.17-33.
- Иванова, Л. П. Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»): Пособие к спецкурсу. - К., 2000. - 54 с.
- Ильин, И.А. Одинокий художник. Статьи, речи, лекции. М., 1993.
- Караулов, Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность: Сб. статей / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. - М.: Наука, 1989. - С. 3-8.

Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. - М.: Гнозис, 2004. - 390 с.

Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

Карсавин, Л.П. Восток, Запад и русская идея. СПб., 1922.

Каспэ, И. Кривое антизеркало: "советский" и "постсоветский" анекдот: проблемы жанровой трансформации // НЛО, 2000, № 43 (3).

Клех, И. Чехов: Ich sterbe // Чехов в воспоминаниях. – М., 2008.

Клобукова, Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Международная юбилейная конференция, посвященная 100-летию академика В.В. Виноградова. Тезисы докладов. – М., 1995.

Коженеска-Берчинская, И. Образ человека в континууме публицистики. Олыштын, 2001, - 150 с.).

Колесов, В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л., 1986.

Красных, В.В. Человек умелый. Человек разумный. Человек ...»говорящие? (некоторые размышления о языковой личности и не только о ней)...// Функциональные исследования. Вып.4. – М., 1997.

Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. – М., 1998.

Кубрякова, Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С.Кубряковой.- М., 1996.

Кукушкина, Е. Ю. Тезаурусный портрет матери свадебных причитаний // Проблемы прикладной лингвистики. Вып. 2. Сб. статей / Отв. ред. Н. В. Васильева. - М.: «Азбуковник», 2004. - С. 202-226.

Ларина, Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. Монография. М: РУДН, 2003.

Леонтьев, А.Н. Человек и культура. – М., 1961.

А.А.Леонтьев, А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка. – М., 1977.

Лингвистический энциклопедический словарь. / Под ред. В.Н.Ярцевой. - М., 1990.

Лихтенберг, Г.К. Афоризмы. - М., 1965. - 344 с.

Логический анализ языка: язык и время. / Под. ред. Н.Д.Арутюновой. - М.: Индрик, 1997.

Лосев, А.Ф. Дерзание духа. - М., 1988.

Лосский, Н.О. Характер русского человека // Посев. 1957. Кн.1.

Лотман, Ю.М. Декабрист в повседневной жизни: (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. - Л., 1975.

Лурье, С.В. Историческая этнология. - М., 1998.

Любомирова, Н. Магия русской хандры. – М., 2002.

Люшер, М. Цвет вашего характера. М., 1997.

Мамардашвили, М. Мысли под запретом // ВФ, 1992, №5, с.112.

Маковский, М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. – М., 1996.

Мартынов, В.В. Славянские этимологические версии // Русское и славянское языкознание. – М., 1972.

Маслова, В.А. Homo lingualis в культуре. - М.: Гнозис, 2007. – 319 с.

Маслоу, А. Психология бытия. – М., 1997.

Можейко, М.А. Становление теории нелинейных динамик в современной культуре. Минск, 1999, с.43

Немов, Р.С. Психология. Учебное издание, в 3 книгах. Книга 1. Общие основы психологии - М. Просвещение , 1993, 573 с.

Нефедова, Е. А. Экспрессивная лексика языковой (диалектной) личности и аспекты ее лексикографического описания // Русский язык сегодня. Вып.2. Сб. статей / Отв. ред. Л. П. Крысин. - М.: «Азбуковник», 2003. - С. 189-200.

Никитина, С. Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность: Сб. статей / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. - М.: Наука, 1989. - С. 34-40.

Общая психология , под ред. А.В. Петровского М. Просвещение , 1986, 463 с. (авторы: А.В. Петровский, А.В. Брушлинский, В.П. Зинченко и др.)

Овчинников, В.Сакура и дуб. - Минск: Народная асвета, 1987.

Ортега-и-Гассет, Х. Кант. Размышления по поводу двухсотлетия // Феномен человека. Антология. – М., 1993.

Павловский, И.В. Православие и русский национальный характер // Вестник МГУ, сер. 19, 2004, №2, с107-114.

Петровский, В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. --512 с.

Попович, И. Философские проповеди. – М., 2004. – 288 с.

Прохоров, Ю.Е. Национальные 1996

Розина, Р.И. Человек и личность в языке // Логический анализ языка. Избранное, 1988-1995. М., 2003.

Собчик, Л.Н. Характер и судьба. М., 1996.

Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. - М.: Языки русской культуры, 1997.

Сукаленко, Н.И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. - Киев, 1992.

Телия, В.Н. Русская фразеология. М., 1996.

Телия, В.Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. - М., 2004.

Тер-Минасова, С.Г. Язык и национальный характер // Слово и текст в диалоге культур. - М., 2000.

Уфимцева, Н.В. Этнос и традиция // Res linguistica. - М., 2000.

Уфимцева, Н.В. Этнические ритмы и стереотипы культуры // Язык. Сознание. Этнос. Культура: XI Всероссийский симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. - М., 1994,

Флоренский, П.А. Строение слова // Контекст-72. - М., 1973.

Человек. Характер и поведение. Словарь. - М., 2003.

Юнг К.-Г. Психологические типы. Минск, 1998, с.600.

Юнг К.-Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1997, с.140.

Bauer, 1956, p.141

Gorer J. Exploring English Character. New York, 1955, -328 p.

Leech G. Principles of pragmatics.- London and New York, 1983, p. 84.

Raskin V. Semantics Mechnisms of Humor. - Dordrecht, 1985.

Репозиторий ВГУ